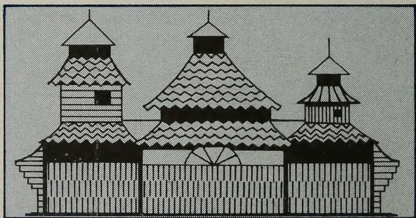
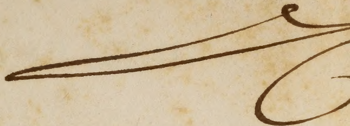

Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ,
Первый воздухъ русскій ссалъ,
Я кормился русскимъ хлѣбомъ,
Русинъ мене колысалъ.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ
РУСИНОВЪ
НА ГОДЪ
1851
ОТЪ
ЛИТЕРАТУРНАГО ЗАВЕДЕНІЯ
ПРЯШОВСКАГО.

ВЪ ВѢДНИ
ТИПОМЪ ОО. МЕХИТАРИСТОВЪ.

Стихи слагать не такъ легко,
Какъ многимъ мнится.

Сумароковъ Еп. 2.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ.

Съ нову поздравляю васъ
Новымъ годомъ въ добрый часъ,
Молясь о щастливыхъ дней
Для васъ любезныхъ дѣтей
Вседержителю Богу!

Съ нову минулъ одинъ рокъ,
Претекъ якъ быстрый потокъ,
Якъ въ морску глубину валъ
Изчезъ, якъ блескъ такъ пропалъ,
Не вернется никогда.

Погасъ якъ громовый свѣтъ,
Якъ тѣнь, якъ румяный цвѣтъ
Избылъ въ безконечности,
И въ глубокой вѣчности
Ненавратно затонулъ. —

И мы живемъ! — переходъ
Начинаемъ въ новый годъ,
Въ славѣ предводителя,
Силна Вседержителя,
Въ чувствахъ лестной надежды.

Снуемъ страшный разговоръ
О минувшихъ; — сладкій взоръ
Вперавше на судьбину
Будущности; — глубину
Надежды внимающе.

Въ надеждѣ, якъ сладкомъ снѣ
Несемся по воздусѣ,
Надъ сивыми скалами,
Съ летящими орлами
Сладку жизнь разливаемъ;

Въ надеждѣ по всѣхъ лугахъ
Бродимъ, по пестрыхъ цвѣтахъ,
Якъ сладкій джаворонокъ,
Якъ свѣтлячій мотыльокъ
Весело лѣтающе.

Въ надеждѣ безъ всѣхъ подпоръ
Идемъ въ середину горъ,
Идемъ во чрево скалы,
Где богаты опалы
Избытно собираемъ.

Въ надеждѣ мы часами,
Самыми небесами
Довольно управляемъ,
И богато сбираемъ
Незмѣрны сокровища.

Въ надеждѣ поставаемъ
Отъ сна, и вырастаемъ
Въ толпы, — престолъ утвердимъ,
Силу вражу истребимъ,
Защитимъ Царя млада.

Въ сладкой надеждѣ весь вѣкъ
Провождае человѣкъ,
Должайшіи времена
Суть надежды бремена;
Время супругъ надежды:

Время течетъ якъ вода,
Не вернется никогда,
Едно минетъ, и сей часъ
Станетъ другое доразъ,
Непрерывно мѣнится;

И мы съ времены идемъ,
Тутъ ставаемъ, тутъ падемъ,
Стоящи подкрѣпимся,
Падшіи подвигнимся,
Чтобъ съ нову ся не поткнуть.

Время и надежда врачь,
Утоляетъ тужбу, плачь;
Часъ съ надеждой поможетъ,
Где посредно не можетъ
Разумъ и опытъ лѣчить.

Якъ сивыми скалами
Соколъ легко крылами
По подъ небеса летитъ,
А надежда му сидитъ
Неопасно на крылахъ;

Якъ богатъ товарами
Корабль плавлетъ морями,
Драгоцѣнности несетъ,
Слѣпу надежду везетъ
Скупостію одѣту: —

Такъ смертный несносными
Везенъ желаніями
Паритъ, бѣжитъ, плаваетъ,
И силно ся сражаетъ
Съ пустою надеждою;

Съ надеждою ся родитъ,
Съ надеждою проводитъ
Скучную жизнь человѣкъ,
Въ надеждѣ весь краткій вѣкъ
Совершаетъ уныло.

Такъ самая надежда
Есть времене сего мзда,
А время во вѣчности
Бездной безконечности
Пропадаетъ яко тѣнь.

Но однакожь хоть она
Часто будетъ лукава,
Ю держи, ю все внимай,
Нею духъ твой занимай,
Страсти сердца ей вручи;

Хотяй тяжесть, люта скорбь
Приведетъ тя ажь во гробъ,
Отчаянія презри,
Лишь на небеса позри,
Тамъ помощь отъ надежды!

А. Д.

ОРЕЛЪ.

Летитъ Орелъ быстро
По воздушномъ поли,
Разганяетъ воздухъ
Крылами по воли;
Путь ему широкій
По подъ всѣ небеса,
Ему отступляютъ
Подхмарны чудеса;
Его солнце пріиметъ,
Его заря злата,
Все сивое небо
Есть его полата;
На крыла опертый
Воздухъ пробивае,
По лазурныхъ волнахъ
Весело гуляе.
Где 'го крыла несутъ,
Онъ по всюду воленъ,
Все ему пріемно,

Онъ собой доволенъ;
Выше облакъ возникъ,
Съ вѣтромъ ся сражае,
На страшный блескъ, на громъ
Ничь не уважае:
Бо мѣдяны крыла,
И желѣзны груди
Громовымъ ударамъ
Суть даремны труды;
Гнуснило глумляся,
Всадится по малу
На высокій Карпатъ,
На ужасну скалу;
Подсмотривъ горами,
И полемъ опасно,
Чтобъ дати бѣдному
Помощи напрасно;
Очами на западъ
Внуренными сидитъ;
На сѣверъ, и востокъ,
И полудне видитъ.
Съ высоты, якъ славна
Престола царскаго
На глубину смотритъ,
На тужбу бѣднаго;

Не есть утаенна
    Предъ нимъ безчесть, злоба;
Его умягчаетъ
    Невинныхъ жалоба;
Бо самъ посѣщаетъ
    Горы, и долины.
Онъ прійде на поля,
    Потоки, ровнины,
Ему спары въ скалахъ,
    Озера, и рѣки
Обитателищемъ
    Бываютъ во вѣки;
И на всякомъ мѣстѣ
    Есть его держава;
Онъ пернатыхъ Отецъ,
    Царь, сила, и слава;
Царство му пространно
    По горахъ, долинахъ,
По зеленыхъ лугахъ,
    И по развалинахъ;
Престолъ его твердый
    Осѣняетъ хвала,
Бо 'го подкрѣпляетъ
    Карпатская скала; —
Карпатскіи скалы,

Бескидовы горы
Суть его подпоры,
И царскіи дворы;
На вершинѣ оныхъ
Спочинетъ высоко,
Жолто-чорны крыла
Распрострегъ широко,
По надъ темный сѣверъ,
По надъ всѣ дубравы,
Где его витаютъ
Честны дѣти Славы; —
Одно крыло Дунай,
Молдава, Морава,
Чистою водою
Омываетъ Сава;
Другое чрезъ Днѣстеръ
Востокъ занимае,
На Тисиныхъ жерлахъ
Ся докончивае;
Владѣнія его
Окрутна ширина,
Безмѣрна глубокость,
Долга величина.
Пера его тверды,
Могущіи спасти

Бѣднаго отъ жара,
    Отъ лютой напасти;
Подъ крылами его
    Тишина ся снуетъ,
Везопасный покой
    Весело празднуетъ;
Тамъ зима не встигне,
    Ни жаркіи лучи,
Подъ той сѣнь не всунутъ:
    Громъ, буря, и тучи.
Присутствіемъ его
    Мятежь отдалится,
Отдыхнетъ невинность,
    Бунтъ упокоится.
Такъ Карпатъ съ Бескидомъ
    Будетъ развивати,
Задушенны цвѣты
    Назадъ отдавати.
Подъ защищеніемъ
    Орла двоглавнаго
Достигнетъ довольно
    До плода славнаго;
Возрастетъ силами,
    Жаркимъ духомъ, — нѣжнымъ
Чувствомъ распалится,

Народу прилѣжнымъ,
И не устрашится
Иноплеменика,
Лестнаго власности
Своей заемника.
Уже занѣмѣетъ
Бунтъ, засмѣется страхъ,
Мечи затупленны
Покоятся въ ножнахъ:
Бо всеславный Орелъ
Сугубы главамн
Защититъ весь Бескидъ
Крѣпкими силами.

А. Д.

МЫСЛЬ О БОЗѢ.

Воспой хвалу всевышнему
Душею, сердцемъ, умомъ;
Бѣдный смертный воспой Ему
Нѣжнымъ внутреннимъ чувствомъ,
Воспой гласомъ умиленвымъ,
Распалися, славу дай,
И духомъ, сердцемъ смиреннимъ
Силу Его повѣдай!
Познай силу всевышняго,
Узнай твою нищету,
Помни злость, слабость земнаго,
И виждь Божу доброту;
На небеса воскрыляйся,
И съ трепетомъ тамъ пари,
Славѣ Божой удивляйся,
Твое ничтожество зри; —
Помни Бога Высочество,
Съ собою самъ ся стяжи,

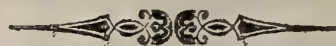
Узнай твое смиреніе,
И покорно такъ скажи:

Богъ пресвятый, а я грѣшный;
Ему заря, блескъ, свѣтлость
Подобаетъ, но я мрачный,
Моя участь есть бѣдность;
Богъ самъ въ себѣ безконечный,
Я родился, и умру;
Онъ самъ безъ порока, вѣчный,
Я причастенъ всему злу;
Богъ неба, земли создатель,
Я створѣня бѣдное,
Онъ есть всего добра датель,
Я не маю что свое; —
Бо душа, и тѣло мое
Есть мнѣ заимоданно,
Все состояніе мое
Его власти поддано;
Богу вся повинуются,
Небо, цѣла природа;
А мнѣ что ино явится?
Якъ жаль, болѣзнь, и тужба;
Богъ владѣетъ облаками,

Я блеска устрашуся,
Богъ шлетъ тучу, вѣтръ съ дождами,
А я бѣдно ницуся;
Я слабый червь, ты всесиленъ,
Я пепелъ, глина и прахъ,
Ты Боже самъ всемъ обиленъ,
Мнѣ позрѣти на тя страхъ;
Ты духъ духовъ, и Богъ боговъ,
А я ничь предъ тобою,
Ты живый во вѣки вѣковъ,
Ты владѣешь всѣмъ мною; —
Якъ горкій дымъ по воздусѣхъ
Уничтоженъ бываетъ,
Якъ громный огнь на облацѣхъ
Окозрѣнно счезаетъ:
Такъ мой животъ мимоидетъ,
Днесь веселый, завтра мертвъ,
Вижу, ежедневно падетъ
Колько живыхъ, только жертвъ.
Знаю ли я бѣдный, грѣшный,
Котрый ми послѣдній часъ,
Знаю ли когда мя вышній
Покличетъ господень гласъ?
О еще днесь торжественно
Веселюся здравъ и милъ,

Завтра можно безчувственно
Изтлѣваю уже гнилъ! —
Еще рано процвѣтаю
Якъ косиця въ долинахъ,
А вечеромъ иссыхаю,
Что остану? тлѣнь и прахъ.
Но ты безъ начала вѣчный
Былъ еси, и все будешь,
Ты не рожденъ, безконечный
Во вѣки не избудешь; —
Чтоже я бѣдный, и страстенъ
Предъ тобою? — нищь, убогъ,
Я и самъ собой не властенъ,
Ты мнѣ сила, Ты мнѣ Богъ!
О Боже мой Створителю,
Ты одинъ владѣй мною,
Помилуй мя Владѣтелю,
Бо я ничь предъ Тобою!

А. Д.

СИРОТА ВЪ ЗАТОЧЕНІИ.

Солнце уже за горою
    Зайшло, погасъ дневный свѣтъ,
Я въ глубокой мысли внуренъ
    Помню моихъ прежднихъ лѣтъ!
Вспоминая дѣтство мое,
    Пришолъ въ память древній часъ,
Сладки игры, и забавки,
    Звенитъ въ ухахъ мамчинъ гласъ;
Мамчинъ гласъ! о страстная мысль,
    Сладкое слово: мати!
Проницаетъ внутренну жизнь
    Мысль полна благодати; —
Мати! любве силная страсть, —
    Сію природа даетъ,
Бо тымъ гласомъ бѣдный смертный
    Первую жизнь витаетъ;
Сей первый и жалостный гласъ
    Съ плачемъ былъ и мнѣ: мама!
Она лишь одна мнѣ была
    Любовью почитана;
Сладка сосця мнѣ жизнь дала,

Сытнымъ млекомъ кормила,
Чувство любве возбуждающь
И добрый духъ крѣпила; —
Такъ я питанъ, бо колыбель
Была ей мягко лоно,
О якъ пріятнымъ отдыхомъ
Всегда здалося оно.
Въ томъ я успокоевался весь,
Возрасталъ и духъ горящь,
Ей притулъ во обятіяхъ
Утолилъ дѣтинскій плачь.
Словомъ: дорога матушка
Была мнѣ лѣчнымъ цвѣтомъ,
Ей жаркое лобзаніе
Владѣло моимъ свѣтомъ. —
Но горе! о неудобна
Участь такъ ми судила,
Завистна судьба отъ сладкой
Мамки мя отлучила;
Случай ужасный исхитилъ,
Вырвалъ отъ персій вѣрныхъ,
Немилосердно исключилъ
Отъ обятій матернихъ; —
Отключилъ, и отграничилъ,
Чтобъ ся съ нею не знати,

Чтобъ ей прелюбезный образъ
    Никогда не видати;
Отлучилъ, и во чужину
    Въ заточеніе отвлекъ,
Чуждымъ духомъ и образомъ,
    И страннимъ платьемъ облекъ!
Теперь мы ужь отдалены,
    Я мамку, она мене
Не познаетъ; и се дѣло
    Должайшаго времене;
О мы природной радости
    Взаимно не чувствуемъ,
Пріятныхъ взоровъ лишены
    Общу любовь не чуемъ; —
Насъ пространство отдѣляетъ,
    Береги несровнимы,
Насъ глубоки рѣки, бездны,
    Моря непроходимы;
Мы не слышимъ взаемный плачь,
    Тяжкій вздохъ, и трудный жаль,
Единострастна наша тужба,
    Но безсогласна печаль!
Я чувствую болѣзнь твою,
    Знаю что тяжкій жаль твой,
Непокрыты твои слезы

Двигнутъ и мой непокой;
Хотяй бо ты въ свойственности
Довольно пребываешь,
Однакожь родное дѣтя
Со всѣмъ не забываешь;
Хоть тебе увеселяютъ
Славнородны дружины,
Но со всѣмъ тѣмъ оскорбляютъ
Горесть, и плачь дѣтины; —
Горесть то есть несносима
Исключеніе оно,
О не можно мнѣ забыти
Сладко Мамушки лоно!
Бо хоть куда повернуся,
Немедленно, и тотъ часъ
Восторженъ аки въ сладкомъ снѣ
Вижу только твой образъ;
Одну тебе весь желаю,
Тебе въ мысли и дусѣ,
Тебе въ зеркалѣ чистыхъ водъ
Вижу, и на воздусѣ.
Въ благомъ дождѣ ображаю
Источники твоихъ слезъ,
Въ силныхъ вѣтрѣхъ понимаю
Дыханіе твоихъ персъ;

Въ сей часъ восторгъ густу печаль
Слезы въ мигъ разливаю,
Сердца язву болестный вредъ
Разжегъ, смерти желаю.
Часто въ шутномъ безуміи
Себе не зная бѣжу
Безъ цѣли, возмущенъ часто
Якъ бездушный трупъ сижу,
И стеня жалобнымъ гласомъ
Въ тужбѣ тщетно странствую,
Но и въ самой той жалобѣ
Бѣдну радость чувствую;
Бо въ смятеніе приведенъ
Съ тобой разговоръ сную,
Тебе крѣпко обнимающъ,
Душей ти присутствую,
И слезы страсти точатся
Въ мигъ якъ тучи наремны;
Но вся страсть есть неполезна,
Мои труды даремны;
Бо, о горе! между нами
Есть велика широта,
И хотяй мамушку маю,
Однакожь я сирота!

А. Д.

ВОСПОМИНОВАНІЕ.

Тысящь годовъ: якъ ся стала
Для Русиновъ нощь окрутна,
Легла мати и не встала,
Мертвожива лежитъ смутна:
Странній народъ напалъ на насъ,
И заточилъ нашу Маму,
Не внимающь на страстный гласъ,
Бросилъ насъ во темну яму;—
Благородны дѣти Славы
Избилъ, изгналъ въ темны горы,
Изъ луговъ въ пусты дубравы,
И оставилъ безъ подпоры.
Такъ племеникъ чужеселцемъ
Отступилъ свой прекрасный край,
Давъ поношенье пришелцемъ,
На Бескидѣ устроилъ рай!
Въ горахъ, скалахъ храмъ будовалъ,
Славяй промысль Створителя,

Долгимъ временемъ бѣдовалъ
Чающе Избавителя;
И се Господь далъ му духа,
Слетѣлъ ему Ангелъ зъ неба,
И Влада не была глуха,
Дала что му было треба;
Царь Францъ му той вредъ загоилъ,
Избавилъ отъ ига сего,
Оскорбленный той родъ споилъ,
Чтобы онъ былъ народъ Его.
Ужь слава Богу свѣтаетъ,
Солнце и намъ загрѣваетъ,
И Бескидъ жизнь осѣняетъ,
Радостнымъ гласомъ спѣваетъ;
Братя себе познаваютъ,
Что до теперь ся не знали,
Руки собѣ подаваютъ,
До родины ся признали.
Теперь хоть ненависть грозитъ,
Она ужь насъ не устрашитъ,
Бо силный духъ не угрозитъ
Никто, и не переважитъ.

Алекс. Павловичь.

N0

ПѢСНЬ РУССКО-НАРОДНА.

Такъ намъ Боже, якъ жизнь наша
Есть намъ Царь!
Ему русинъ сердце, и вся
Дасть на даръ:
Про ньго жити, про ньго мерти
Мы знаемъ,
Бо лучшаго Отца якъ онъ
Не маемъ.

Престолъ Царскій не разъ ужъ ся
Колыбалъ,
Но русинъ все кровь про него
Проливалъ;
И лить буде, зброемъ хранить
На вѣки,
Пока русинъ жити буде
Въ Бескидѣ.

Споимъ руки, стиснимъ плеча
Я и ты,
Станемъ крѣпко при еднотѣ
Австріи;

Свѣтъ да видитъ, что въ коронѣ
Австрійской
Свѣтитъ бѣсерь и вѣрности
Русинской.

Но вже Братя Галичане
Любмеся,
Одинъ нашь Царь, одинъ законъ,
Споймеся;
Мы всѣ Царя, а онъ же насъ
Да хранитъ,
Такъ постоитъ Престолъ Его
Якъ гранитъ.

Але Братя, припійме си
За Царя,
Смѣло; течетъ славѣ нашой
Ужъ заря;
Врагъ нашь достъ пилъ за мятежу,
Да згинетъ;
Русинъ піетъ лишь за Царя,
Да живетъ!

Георгій Шолтисъ.

СВОБОДА.

Витай миленька свободо,
Ты жизнь дающа ягодо,
Зъ твоей преблагой уроды
Удѣль про русски народы.
Что еси? — Кто ся свѣдуетъ,
Вѣторъ дасть отвѣтъ, коль дуетъ,
И нѣма рыбка во водѣ,
Плавающа по свободѣ. —
Что значитъ жити въ свободѣ,
Тамъ на голузцѣ при водѣ
Птичка весела спѣваетъ; —
Бо о неволѣ не знаетъ.
Птиченьки поютъ лишь въ лѣтки;
Замолчатъ, якъ ихъ до клѣтки
Посадятъ хлопцы своволны, —
Смутятся, бо суть неволны.
Парка голубковъ на стрѣсѣ,
А дикихъ тажь пара въ лѣсѣ

Дзьобокъ до дзьобка подаютъ,
Вольности опытъ намъ даютъ;
И той вольности уроды
Досягли русски народы,
Радостно руки си дадутъ,
Ужь до неволѣ не впадутъ.

Алекс. Павловичь.

РАДОСТЬ О СВОБОДѢ.

Якъ летитъ пчелка,
Коль солнце свѣтаетъ,
Сладость по лукахъ
И лѣсахъ зберати,
Летяще цвѣтки,
Пахнячки витаетъ,
Которы дала
Ей природа мати:

Такъ я въ Бескидѣ
Якъ въ улію сидѣлъ,
Въ ночной темности
Ничего не видѣлъ;
Ажь теперь наразъ
Прерадостна заря
Въ лицѣ младаго
Свѣтаетъ ми Царя.

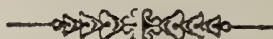
Я въ блесной зарѣ
Лечу на долины,
Где пребываютъ
Русиновъ родины;
Бо ужь ихъ враги
И злобы не смутятъ,
Радость спѣваютъ,
Жалостно не нутятъ.

Ой повеселься
Свободный Русине,
Ужь твоихъ враговъ
Злобна сила гине:
Францъ Іосифъ даетъ
Каждому народу,
Ставай и витай
Святую Свободу!

Якъ равноправность
Народамъ свѣтаетъ,
Ужь доразъ Бескидъ
Европа познаетъ;
Бо дѣтемъ его
Отверяется рай,
Ставай Русине,
Плесай, спѣвай, играй!

Споеннымъ сердцемъ
Едногласно нынѣ
Всѣ до народной
Спѣшайме святынѣ,
Изъ сердецъ цвѣтовъ
Уплетемъ вѣночки
Народной Мамѣ
Блаженны дѣточки.

Алекс. Павловичь.

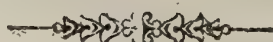
УБѢГША СВОБОДА.

Безъ друга и безъ милой
 Самъ брожу по лугахъ,
Сердцемъ, душой унылой
 Одинъ по берегахъ;
Вперъ очи на поточки,
 Слезми ся смачаю,
Но сердечныи точки
 Тѣмъ не облегчаю.

Зрываю хоть цвѣточокъ,
 Но въ мысли говорю,
Кому сплету вѣночокъ,
 Кого нимъ подарю?
И тогда въ мигъ познаю,
 Что всегда жалѣю,
Что самотный воздыхаю,
 Друга не имѣю.

О ужь я теперь вижу,
    Что безъ милой утѣхъ,
И покой не нахожу,
    Все ми мерзость, все грѣхъ,
Горко стеня рыдаю;
    Скорблю на самотность,
И сей часъ проклинаю
    Убѣгшу свободность.

А. Д.

СВОБОДА.

Любо граетъ, быстро терчитъ
Птичка въ румной зорицѣ,
Изъ вѣтки на вѣтку летитъ
По зеленой дебрицѣ;
Рябы луги
И береги
Ей служатъ, ю веселятъ.

Но нещастна, непозорна
Коль другочка глядаетъ,
Бѣдна птичка, непокойна
Въ мрежу ловца впадаетъ;
Птичка скучитъ,
Ловецъ плещитъ,
Она плаче, онъ скаче.

Такъ я слезы проливаю,
Убѣгшую свободу
Обрыдая, все страдаю
Мою участь молоду.
Но ужь поздно,
О то грозно,
Во вѣки плѣненну быть!

А. Д.

НЕЗАБУДКА.

Ой пойду я по долинахъ,
  По зеленыхъ развалинахъ,
Пойду где птички пѣютъ,
  Где пестры цвѣты цвѣнутъ;
Снайду я тамъ цвѣтокъ драгій,
  Что ми наганетъ вѣкъ благій.
О цвѣточокъ дорогій,
  Онъ ми спомнетъ вѣкъ благій;
Мой цвѣточокъ не румяный,
  Не златоглавъ, не жолтявый;
Мой цвѣточокъ маленькій,
  Не пестрый, не бѣленькій;
Мой цвѣточокъ вида того,
  Якъ очко мого милого,
Онъ якъ небо сивенькій,
  Прелюбезно миленькій,
Онъ не ростетъ во городахъ,
  Во полатахъ, нѣжныхъ садахъ;

Но цвѣнетъ подъ бережкомъ,
  За черчащимъ поточкомъ;
Не маетъ пахъ благовѣнный,
  Бо онъ есть якъ я невинный;
Онъ не вонитъ, не тронетъ,
  Лишь весело все цвѣнетъ;
Той цвѣточокъ одинъ видѣлъ,
  Коли мя милый увидѣлъ;
Коли мене полюбилъ,
  Цвѣтокъ сей свѣдѣтель былъ,
Сей цвѣточокъ одинъ слышалъ,
  Что ми мой миленькій шепталъ.
Коли ми давалъ ручку,
  При зеленомъ поточку;
О ты цвѣтку добрѣ знаешь,
  Бо то еще памятаешь,
Якъ онъ тебе изсорвалъ,
  И мнѣ во подарокъ далъ,
И говорилъ: ты миленька,
  Сердце мое, ты драженька,
Молю тя моя буди,
  И мене не забуди; —
Якъ ми сіе слово сказалъ,
  Въ лице, и ротъ мя полобзалъ,
Сивы очка заслезилъ,

И такъ далѣй говорилъ:
Если ты моя не будешь,
Альбо мя въ сердцѣ забудешь,
Такъ исчезнетъ и мой цвѣтъ,
Унылый будетъ мнѣ свѣтъ.
И сказалъ ми: да сей цвѣтокъ,
Будетъ достовѣрный свѣдокъ,
Что мы собѣ вѣщали,
И любовь обѣщали;
И про то онъ Незабудка
Наречется ажъ до вѣка,
Мы его не забудемъ,
Пока едно не будемъ.

Д.

СѢТОВАНІЕ

Павла Аньоша.

Смутно свѣтлый мѣсяць,
Темными зарями
Тихо черчащими
Граешь поточками:
Самъ ты одинъ бдѣешь
Съ много нещастными,
Ихже сердце кроитъ,
И важдетъ тужбами;
Ты слышишь смутокъ ихъ,
Какъ нѣмо вздыхаютъ,
Коли вся живная
Сладко спочиваютъ;
О сіи тихимъ сномъ
Не увеселяютъ
Свой жаль; бо серденькомъ
Стеняще страдаютъ. —
Се смутна могила
Темными гробами,

Тихій вѣтрикъ дуетъ
    По надъ ей крестами;
Ачей она такихъ
    Владѣетъ костями,
Что якъ я горкими
    Тужили журбами?
Вижу якъ ужасно
    Изъ гроба ставаетъ
Тѣнь одна бѣленька,
    Мертвыхъ оставляетъ.
Не сѣхъ ли отъ числа
    И она бываетъ,
Коихъ сердце стонетъ,
    Якъ мое страдаетъ?
О коль бы ту дойшла,
    Я бы не страшался
Смутнаго вида ей,
    Болше надѣялся,
Якъ живущихъ лестей
    Всегда страшаяся,
И хотяй невинный,
    Горко скитаяся. —
Но она убѣгла! — — —
    И она втѣкаетъ,
Видше что все слезю,

Мене убѣгаетъ;
О таже ужь мой вопль
    Ничь не послушаетъ,
Бѣдно страждущему
    Ничь не помагаетъ? —
Ты вѣчна годино,
    Где есть сила твоя?
Зови мене молю
    До твого покоя:
Раздри страстно сердце,
    Смѣло перси кроя,
Разрѣши на вѣки
    Бѣдны кости моя!
Ачей нѣкто придетъ
    Припадно на гробъ той,
Незабудку всадитъ
    На вѣный сей одръ мой;
Вздохнетъ и заплачетъ:
    Се тутъ лежитъ другъ мой,
Подай ему Боже,
    Подай вѣчный покой!

А. Д.

О ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ.

Въ нѣжныхъ дворахъ я долго жилъ,
Горкую сладость вкусилъ,
Властемъ все подданный служилъ,
Злое добро искусилъ;
Многоразъ высоко сидѣлъ,
Многоразъ былъ потупленъ,
Много дурныхъ — мудрыхъ видѣлъ,
И самъ былъ часто плѣненъ;
Не желалъ я, что на свѣтѣ
Только достати власти,
Трудился во всемъ животѣ
Ради славы и сласти;
О коль много нощей не спалъ,
Непремѣнно трудился,
Въ искушеніе часто впалъ,
Но инымъ не журился;
Токмо милость Владѣтеля
Получити и любовь,

Токмо пышна Властителя
    Прелестити съ нову въ новъ;
Я веселымъ показался,
    Хотяй дуже смутный былъ,
Я покорно́ снизовался,
    Хоть бодрый духъ мя будилъ;
Воля Господина мого
    Была воля и моя,
Я острожно внималъ того,
    Не чувствовалъ покоя;
Коль Господинъ мой смутился,
    Тогда я ся зармутилъ,
Коль онъ плясалъ, веселился,
    Я съ нимъ ся все веселилъ;
Коль уныло болѣзновалъ,
    Я ему страстно съжалѣлъ,
И хотяй боль не чувствовалъ,
    Тучею горко слезилъ;
Когда онъ брашно показалъ,
    Я тогда голоденъ былъ;
Словомъ: что онъ мнѣ показалъ,
    Я на тое повторилъ.
Если онъ малый мракъ видѣлъ,
    Я громку бурю сказалъ,
Коли онъ дождокъ увидѣлъ,

Я ему громы призналъ;
Словомъ: я всегда ему жилъ,
Ему спалъ, ставалъ, и ѣлъ,
Ему тѣломъ, духомъ служилъ,
Но я его не любилъ!
Бо то есть ставъ придворнаго,
Что бы онъ и свой не былъ,
Чтобы его покорнаго
Властитель видѣлъ, любилъ;
Такъ якъ мотыль легкомыслый
По цвѣточкахъ лѣтаетъ,
Но онъ для себе промыслый,
Лишь сладкій сокъ срываетъ;
Такъ прелестна пчела въ поли
Цвѣточкамъ ся кланяетъ,
Но всегда по своей воли
Медъ отъ всѣхъ высысаетъ;
Выссавше же сокъ отъ него,
Цвѣточка оставляетъ,
Когда же усхнетъ, на него
Болше и не внимаетъ;
Такъ я Верхняго почиталъ,
Не чтобъ ему послужилъ,
Но о томъ лестно мудровалъ,
Чтобъ собѣ полезный былъ.

О придворный! властямъ преданъ,
Онымъ всегда служити
Есть повиненъ, горкимъ сластемъ
И мамманѣ жертвити,
Своей онъ не чуетъ воли,
Зависть и страхъ со всѣхъ странъ,
Онъ отрекся своей доли,
Лестникамъ есть весь преданъ;
Онъ въ тыхъ мѣстахъ пребываетъ,
Где бы и самъ не хотѣлъ,
Кратку потѣху познаетъ,
Но сторазъ ю претерпѣлъ;
Что въ сердци, души чувствуетъ,
То не смѣетъ сказати,
Слѣпый, нѣмый, и не чуетъ,
Самъ ся не може знати;
Любимцямъ послѣдовати
Долженъ, хоть ихъ не любитъ,
Себе низко поддавати
Знаетъ; — самъ себе губитъ;
Многоразъ и любимому
Мальчику ся кланяти,
Дары приносити ему,
Повиненъ ся вручати;
Бо то мальчикъ любый слуга

Много можетъ шептати,
Коли лестно Господина
Ведетъ на покой спати;
Часто псичка господняго
Повиненъ есть гласкати,
И якъ бы представленнаго
Долженъ лестно ласкати;
Неправедность похваляти,
И врага полобзати,
Господень дворъ похвалити,
Пріятеля не мати;
О вѣрности говорити,
Хотя ю не познаетъ,
Чудная дѣла творити
Долженъ, хоть ничь не знаетъ.
И про сію тяжку службу
Яка ему заплата? —
Про всю старость, про всю тужбу
Есть надежда богата!

А. Д.

СПИШАКЪ И ЕХО.

По берегахъ, сивыхъ скалахъ
Ходилъ я раненько,
Соненько ужь выходило
Надъ горой красненько;
Закликалъ я? где ты Ехо?
Въ якомъ живешь краю?
— — Раю!

Кедь ты въ раю пребываешь,
Такъ и я рая часть,
Скажи менѣ, якъ гадаешь?
Яка моя участь?
Ци мя ждаетъ еще слава,
И радость безсмертна? —
— — Смертна!

О што брешешь? участь смертна,
Та где моя радость?
Въ жизни мнѣ суть вся суетна,
Тай по смерти жалость?
Ачей Ехо зводишь мене,
Ты гваришь неправду? —
— — Правду!

О жестокій пророкъ Ехо,
Ты гремишь жалостно,
Скажи: якій мой конецъ? — бо
Иго мнѣ несносно!
Яка судьба ждаетъ мене?
Бо горю якъ пламѣнь!
— — Аминь!

Вислоцкій.

ЖАБА.

(По Лаборскому выраженію.)

Што тамъ квичитъ,
А што гучитъ,
Якій дѣдко наператъ?
Ци то рано, ци то сночи,
Ци въ полудне, ци въ полночи
Скарѣдно ся раздератъ?

Чей сорока
Бѣлобока?
Чей ворона ся давитъ?
Скреже зубами: кра, кра, кра,
Дусится грудьми: ква, ква, ква,
Ачей дѣдко ся бавитъ?

То мереке,
То береке,
Коа, третре, тритри, тавъ;
Гучитъ ги сова: гу, гу, гу,
Скучитъ ги тутокъ: ту, ту, ту,
Бреше ги песъ: гавъ, гавъ, гавъ.

То не птица,
Бо галица
Не на деревѣ черчитъ,
Ай по млацѣ чеперится,
И у воду занурится,
По болотѣ верещитъ.

Теперь знаю,
Понимаю,
Што за бѣда такъ бреше:
То страпата, коропата
Жаба ряба; ой проклята
У болотищу креше.

О ждай ряба,
Брыда жаба,
Дѣдко бы тя бравъ, и чортъ!
Придутъ Нѣмцы, рукавицы
Стягнутъ ти и ногавицы,
Замовкне твой громкій ротъ.

А. Д.

N°

Привѣтствовательныи стихи
Его Величеству
Всемилостивѣйшему Царю
ФРАНЦЪ ІОСИФУ ПЕРВОМУ
на день Славнаго Рождества отъ Русиновъ Вышняго Спижа на крылахъ Орла Татранскаго принесенный

дня 6/18 серпня 1850 года.

Русины, ликуйте братя
  Въ русскихъ всѣхъ странáхъ,
Возиграйте дивно
  На Татранскихъ днесь горахъ;
Крини процвѣтаютъ,
  Золота жатва наста,
Вѣрныи всѣ возспѣваютъ
  Царя Рождества
    Ожиданный день!

Ужь и солнце надъ Татрами
  Лучи сьяетъ златы,
Кесарю оно спѣшится
  Хвалу честь воздати;

Орле мой Татранскій,
  Ты до солнца знай лѣтати,
Вознесися днесь превыше
  Звѣздъ, Царя витати
    Русскими Пеаны.

Съ ондѣ ты увидишь,
  Яко щедро Двоеглавный
Крылми защищаетъ
  Народы и Вѣдень славный;
Крѣпко тамъ лети,
  И поклонися Ему,
Разкажи, отъ Спижа
  Что приходишь къ Нему
    Съ русскими подары.

Попрадъ крылми удари,
  Ажь зашумится зѣло,
Да покажетъ онъ Дунайку,
  А съ нимъ Вислѣ диво,
Какъ народъ играетъ
  Русскаго владычества,
Яко въ Спижу славится
  Великъ День Рождества
    Его Величества!

Якъ ликуютъ: Сулиняне,
  Кремпахъ, Орябинцы,
Камюнчане, въ Стоторгу,
  Не менѣй Литмановцы,
Остурняне, Липничане,
  Съ ними Якубянцы,
Выше четырнадцять тысящь
  Вѣрныи потомцы
      Русскаго всѣ рода.

Не смутися, якъ увидишь
  Въ Царевой Полатѣ
Всѣхъ велможь Царю своему
  Вѣрно ся кланяти:
Же ты бѣдный, молодый,
  Въ крылцахъ еще не вправный,
А дерзнулъ войти, чтобъ
  Повитати день преславный
      Рождества Царя!

Тамъ узришь князей и много
  Храбрыхъ воеводовъ,
Якъ складаютъ дары,
  Тамъ высланцы всѣхъ народовъ,

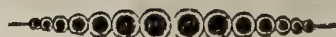
Тамъ музики и вся лики,
  Дамы и герои,
Тамъ выборы, тамъ приборы,
  Тамъ народовъ рои
      Величаютъ Кесаря.

Ты смиренно приступи
  Ко Кесарю Младенцу,
Разкажи отъ коихъ странъ
  Еси посланъ, Миленцу
Велію Царю стицай
  Подати пѣснь народну:
Что бы Онъ пожилъ
  Предолго, и слободну
      Усчастилъ Державу!

Здѣ открый сокровища,
  Отдай Цареви дары,
Имиже тя освятиша
  Русскій Родъ и Лары:
Вѣчну въ сердцѣ вѣру
  И любовь неколебиму,
Упроси пріяти
  Жертву единолюбиму
      Отъ Татранскаго краю.

Покудъ ты во Вѣдни будешь,
Мы войдемъ во храмы,
Приустроиме престолъ,
Предъ царскими вратами
Чашу къ высотѣ
Воздвигнеме, и за Отца
Русскаго Народа,
Доли Русиновъ Творца
Мольбы Господу взнесемъ.

А якъ прилетишь воспять
На Татеръ быстры скалы,
Возвѣстишь намъ, якъ отдалъ есь
Даръ усердной хвалы,
Воскликнемъ тогда съ тобою
Витязю Царю,
Громкимъ гласомъ вопѣюще
Въ русскомъ всемъ краю:
„Да живетъ намъ
ФРАНЦЪ ІОСИФЪ!"

N.o

ОТВѢТЪ ОРЛУ ТАТРАНСКОМУ

(зъ $^{6}/_{18}$ Серпня.)

Татрогорній Орле, про что
Днесь толь солодко спѣвашь?
Любопытно къ горамъ, холмамъ
Австріяцкимъ приникашь?!
Кесаря съ нами чтишь,
Или намъ завидишь:
Коль весело почитаемъ
Свѣтоносне торжество,
Сладкопѣвно ублажаемъ
Кесарево Рождество?!
Нѣтъ: — но й крылна природа
Кричитъ словомъ народа:
Ликуемый! въ струны вдарь,
„Нехай живетъ долго“ гварь
Отецъ, Мати и Кесарь!

Правда Орле, днесь Францъ Іосифъ
Двадесять лѣтъ совершилъ,
Даровавшій намъ народность,
Котру дѣдъ, прадѣдъ просилъ.
Русине! втри очи,
Орлику! возкличи:
Спѣтъ покойно друзя, братя,
Пра и дѣдику старый,
Что бо щиро вы желали,
Далъ намъ Отецъ молодый!
Спочивайте покойно,
Мы возкликнемъ голосно:
Ликуемый! въ струны вдарь,
„Нехай живетъ долго“ гварь
Отецъ, Мати и Кесарь!

Ци такъ Орле, же Францъ Кароль
Истымъ словомъ государь,
Егда зъ него произходитъ
Младѣдивный нашъ Кесарь?
А Мати Высока
Крѣпкаго Отрока
Цили не есть правымъ словомъ
Люба наша Царицям,

Егда ея главу вѣнчатъ
Вѣнценосна косиця?!!
Пѣй орлику радостно,
Мы возкликнемъ голосно:
Ликуемый! въ струны вдарь,
„Нехай живетъ долго“ гварь
Отецъ, Мати и Кесарь!

Николай Подъ.

ТРЕТІЙ МАЯ 1850.

Два годы тому, якъ воскресъ,
Всей нашей Руси въ избавленье,
День Третій Мая: онъ принесъ
Народное намъ воскресенье!

Якбы Ангеловъ молитвами,
Богъ милостивъ былъ такъ надъ нами,
Когда же Свято Воскресенья
Празднуютъ въ небѣ, на земли,
Въ тѣ дни торжествуемъ и мы
Рочницу нашего рожденья!

Чіе же сердце, грудь чія
Веселіемъ не заиграетъ,
Когда воскресша отчина
Свободной жизней днесь сіяетъ?

Она забвенна, поругана,
Врагами въ сонъ заколысана,
Бездѣльно столь вѣковъ проспала;
Пропалабъ въ тьмѣ на вѣкъ она,
Естли бы милость ей Царя
Во жизнь новую не возвала.

Внидимъ же, братья, въ Божій храмъ,
Святити Третяго День Мая;
Лишь съ Богомъ нынѣ быти намъ,
Егоже милость поминая.

Съ чувствомъ Его молимо ревнымъ,
Съ благоговѣніемъ душевнымъ,
Дабы якъ досель далъ намъ силу,
Вспирати вѣрно Царскій тронъ,
Всегда хранити нашь законъ,
Народну честь, и Русь намъ милу!

Б. А. Д.

РУССКІЙ ДОБРОВОЛЬНИКЪ.

Къ отчизнѣ ревностью горя
За вѣру мерли и Царя.

Державинъ.

I.

Подъ Бескидомъ — въ полонинѣ
Стоитъ хижа — а въ хижинѣ
Мати сына умоляетъ,
Словы, слезми сдерживаетъ:
  Чтобы не шелъ на бой крутъ,
  Гдѣ струями кровцю льютъ!

„Пусти нене мня на волю,
Погуляти въ широмъ полю;
Череду враговъ разбити,
Иль со славой вѣкъ скончити!
  Днесь роковы бьютъ часы,
  Врагъ погибнетъ или мы!“

— Да съ врагомъ какъ сыну битись,
Противъ тьмѣ его ставитись,
Коль онъ грянетъ стрѣлой грома!?
Лучше сыну останъ дома
У матери у твоей,
Сноси нужду вмѣстѣ съ ней. —

„Мила жизнь менѣ съ тобою,
Хоть въ нуждѣ она и зною;
Но коль мы въ уединеньи
Объ своемъ журимся мѣньи,
Нечаянно врагъ придетъ,
Хату, мѣнье разъоретъ!“

„Гляди нене! въ нашей Руси
Вражіе владѣютъ трусы,
Божьи храмы оскверняютъ,
Нищу братью обижаютъ;
Сколь безвинныхъ пало жертвъ,
Шагъ еще – и Русь трупъ – мертвъ!“

„Охъ! не будетъ здѣсь раздолья,
Не придетъ къ намъ лучша доля,
Пока биться о Карпаты
Не престанутъ супостаты! —
  Пращай нене! — въ братній полкъ
  Мня зоветъ отчизны долгъ!“

Пусто мати умоляетъ,
Въ отчаяніи рыдаетъ;
Онъ печаль свою прижавши,
Стару стрѣльбу съ колка снявши,
  Сквозь яруги, сквозь выбой
  Пошумѣлъ на лютый бой.

II.

Подъ Бескидомъ — тучи бьются;
Да не тучи — а борются
Вражи толпы съ Словяками,
Да со русскими сынами;
  Одни ряды упадутъ,
  Другіе съ земли растутъ. —

Да на югу выше Савы,
Свѣтъ взбивается кровавый; —
Иль то небо такъ багряно?
Или жаромъ посѣяно? —
 Нѣтъ — то храбрый Сербъ, Хорватъ,
 Громятъ ряды супостатъ!

Откуду же бой жестокій
Пламень въ край раздулъ широкій,
Людей мирныхъ изгналъ зъ хаты?
По чему ажь о Карпаты,
 О скалистый, вышній сводъ
 Громовъ раздался грохотъ?

Вотъ племя чужее, странно,
Въ давны вѣки нечаянно
Въ сіи вторгнувши просторы,
Разсѣваетъ днесь раздоры,
 Не помня на благодать,
 Юже не знаетъ воздать!

Отечеству измѣняя,
Съ гордостей опровергая
Доброту и милость царску,
Возновляетъ быль варварску,
  Въ нюже страшно поглядѣть,
  Въ ней любви ни вѣры нѣтъ!

Бѣдны, бѣдны тѣ народы,
Въ пепелищахъ вьси, городы,
Вой надъ Тисой, надъ Дунаемъ;
Сжалься Боже надъ тѣмъ краемъ,
  Гдѣ столь льется крови, слезъ,
  Гдѣ народа цвѣтъ изчезъ!

III.

Надъ Бескида вершинами —
Враны летаютъ кружками;
У подножья скалъ пѣсчаныхъ
Много труповъ разбросаныхъ;
  Обоняя враны жиръ,
  Вѣрно слетѣлись на пиръ.

Въ труповъ передней громадѣ
Кой — на кровавой площади —
Лежитъ мертвецъ порубаный,
Самопалъ держа во длани,
  Какбы на часахъ воинъ?
  Ахъ то русской неньки сынъ!

Во тѣ поры сумъ былъ въ краю
По обумъ брегамъ Дунаю,
Мати Слава рыдать стала,
Много сыновъ пострадала,
  Столь надеждныхъ, юныхъ силъ
  Годъ одинъ ей поглотилъ!

Но межъ столько бѣдствіями —
Ангелъ какъ подъ небесами,
Возносится утѣшенье:
Что въ великомъ семъ сраженьи
  Побѣда и вышня честь
  Славянъ наслѣдіемъ есть!

Свой бо родъ спасти желая,
Жизнею пренебрегая,
Храбро въ борбѣ отстояли,
За царя за вѣру пали!
Столь жертвъ марно не идетъ,
Днесь новый съ нихъ свѣтъ растетъ!

Съ помежду всѣхъ опасностей,
Равноправность народностей,
Свобода имъ разцвѣтаетъ,
Руси во славу сіяетъ,
Какъ небесный солнца лучь,
Кой раздеръ ватагу тучь!

Б. А. Д.

ВРУЧАНІЕ.

Я Русинъ былъ, есмь, и буду,
    Я родился Русиномъ,
Честный мой родъ не забуду,
    Останусь его сыномъ;
Русинъ былъ мой отецъ, мати,
    Русская вся родина,
Русины сестры, и браты
    И широка дружина;
Великій мой родъ, и главный,
    Міру есть современній,
Духомъ и силою славный,
    Всѣмъ народамъ пріемный.
Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ,
    Первый воздухъ русскій ссалъ,
И кормился русскимъ хлѣбомъ,
    Русинъ мене колысалъ.
Коль первый разъ отворилъ ротъ,
    Русское слово прорекъ,

На азъ-буцѣ первый мой потъ
Зъ молодого чела текъ.
Русскимъ потомъ я питанъ былъ,
Русскимъ ишолъ расходомъ
Въ широкій свѣтъ; но не забылъ
Съ своимъ знатися родомъ. —
И теперь, кто питаетъ мя?
Кто кормитъ, кто мя держитъ?
Самое русское племя
Мою годность содержитъ!
Прото тобѣ, роде мой,
Кленуся живымъ Богомъ,
За печальный потъ и трудъ твой
Повинуюся долгомъ. —
И отдамъ ти колько могу,
Пріими той щирый дарокъ,
Пріими вотъ маленьку книгу,
И сей писменный рядокъ;
Прочее же не забуду,
Сердца моего скруху
Пожертвити; — я твой буду,
Твоимъ другомъ и умру.

Духновичь.

ПАМЯТЬ ЩАВНИКА.

(1. Червня 1850.)

Презирая велелѣпный гражданскій звукъ, которымъ малодушнія сердца, и легкомысліи образы такъ весело занимаются, отложивъ на сторону политическія хлопоты, умѣнилъ унылому сердцу и бѣднымъ чувствамъ покойную позволити прогулку, и прото удалился отъ крикливыхъ пышнаго града непокойствъ, оставивше презрѣму гражданску радость, пришолъ на село съ намѣреніемъ, чтобъ тяжкую грудь между невинными сельскими жителями упокоити, и святую природу въ своей простотѣ увидѣти, и нею занимательно увеселитися. — Я не далеко убѣгъ, и ледва двѣ статіи перешолъ, остановился въ *Щавнику* селѣ, при здравоносномъ жерелѣ кислыя воды, где для здоровя искающихъ, а найпаче въ ломотной болѣзни терплящихъ

лѣпое поставленно есть купельное строеніе. Тутъ я остановился, тутъ далеко отъ покой гублящихъ желаній, отъ вражіихъ стреленій, и отъ должностныхъ мученій слободенъ, одиною тишиною и тихою самотностію ўвеселялся, одинъ видъ по темно зеленящихся вершочкахъ, одинъ невинный взоръ на шолковіи долины, одинъ взглядъ на жалостно шумящій поточокъ, одное позрѣніе на весело играющія череды, такъ и тихенькій зкукъ чередныхъ колоколчиковъ, согласное маленькихъ птицъ пѣніе и гукъ нощныхъ совъ, якоже и простонародное благихъ сожителей одѣяніе возторгнули мой духъ; я троненъ былъ волшебствомъ простыя Натуры, я летѣлъ къ расточенному предмету пламенныхъ моихъ желаній, я трепеталъ не знаю якимъ чувствомъ, и во изобиліи сердца громко восклицалъ: О славная природо! тебе я величаю въ твоемъ велелѣпіи, — какъ ты прекрасна! твоя чистая одежда, твой невинный уборъ изящнѣйшій, пріятнѣйшій есть, нежели всѣхъ художниковъ искуснѣйшія рукодѣланія, ты превышаешь острѣйшій

умъ, и человѣкъ только подражатель есть твоего великолѣпія, — о я тутъ со всѣмъ доволенъ, ты мой на земли небесный рай! —

Въ томъ чувствованіи невинными красотами обманутый, прошедъ я нѣсколько шаговъ, и се прекрасный видъ: на окруженномъ холмику стояла деревяна трема башеньками украшенна Церковця болше природою, нежели расточительнымъ художествомъ устроенна, тупою сокирою, простымъ топоромъ, но горливою любовію, чистаго благоговѣнія хитростію, и сердечною охотою созданна; — я посмотрѣвъ сіе созданіе, и тяжкій вздохъ мягкую поднималъ грудь, и самъ онъ вздохъ вырвалъ трясущееся слово: *О Господи!* набожна она мысль воздвигнула умъ мой выше небесъ, я хотѣлъ поняти храма сего Владыку, и возвалъ во ревности духа: О ты словомъ создавый вся, ты неба и земли сильный Строитель, ты повсюду сущій, безъ времене временъ водитель, ты свѣтъ свѣта основатель, Ты Богъ, солнечной лучи свѣтлѣйшій, въ непремѣнной славѣ жи-

вый, въ сей худой деревяной почтенъ халупочцѣ! — и сіе худопростое строеніе возвратило умъ мой на святую Хрістіанства древность, въ семъ якъ въ зерцалѣ изображенъ былъ мнѣ святый вѣкъ богонатхновенныхъ Апостоловъ, коли въ халупкахъ, пещерахъ Господу жертвы тучносердечныя приносилися, распамятался съ слезами на деревяніи Церкви, и на златыи сердца. — Молчаніе, мракъ, и ужасъ царствовали во внутренности моей, я тутъ понялъ красоты Природы, величество Бога, совершенство ума человѣческаго, и соединеніе всего, что есть изящнѣе во предѣлѣхъ міра; я помнулъ, что время, дщерь вѣчности, содержала тутъ Престолъ свой отъ юныхъ дней міра, и удержало нѣчто изъ слѣдовъ тысящелѣтнихъ; — и въ той глубокой мысли лечу на вершины нѣжности, и чувствую оживленіе всѣхъ жизненныхъ силъ. — Въ такой мысли посадился на холодный холмичокъ, и очутившеся сей часъ примѣчаю, что я на Гробѣ сижу; разсмотрю округъ себе, и вижу — о страхъ! — множество гробовъ, вижу что на мѣстѣ

томъ зелеными вѣтвями окруженомъ есть смутная М о г и л а! —

Таже я на гробѣ сижу, на праху, на безобразныхъ костяхъ человѣческихъ! и вздохнулъ: С е ч е л о в ѣ к ъ! — Онъ жилъ, якъ я, онъ думалъ, онъ тужилъ, онъ веселился, якъ и я, — а я теперь на его гробѣ прогуляюся! — Можно тутъ спочиваетъ отъ тяжести работъ утружденный, и заморенный селянинъ, — можно что мудрующщаго Фiлософа многоцѣнная голова тутъ выпорожнила свой почитанный мозогъ, — можно что молода многихъ прелстившая дѣвушка, отъ вздоховъ тяжкое сердце здѣсь упокоила? Богъ вѣдаетъ, кто; — едине знаю, что въ гробѣ етомъ сущее, былъ мнѣ подобный человѣкъ! — Далѣе по всюду видѣлъ простерты гробы, и се уже свѣтъ солнечный скрывался, послѣднiй лучь за нимъ бѣжалъ, прелестный соловѣй вечернюю пѣснь уже щебеталъ; я троненъ былъ, страхъ, и ужасъ обялъ сердце мое, хотѣлъ отдалитися отъ печальныхъ мѣстъ, но ноги не служили; остался якъ столбъ нечувственный, и только вздох-

нулъ: О печальное мѣсто! оттуду и солнце убѣгаетъ; — о якъ оно прекрасно сіяло лучами, и уже скрылося: такъ человѣкъ въ зарѣ сіяетъ, но пришедшу вечерю изчезаетъ, и конецъ его останетъ Гробъ. — Человѣкъ! свѣта сего обыватель, радостями занятый ширится по всей земли, ему вся селена тѣсна есть, онъ въ строптивой жизни зараженъ лживою тщетою, о своемъ гробѣ, якбы ему на вѣки жити должно, непоминая, преслѣдуетъ друга, и для худыхъ имѣній, для пустыхъ чиновъ, для безславныя славы непокойный, труды поднялъ незная, что сіи ему въ гробѣ неполезны будутъ; — человѣкъ колько лестныхъ и фалшивыхъ ковъ строитъ ближнему, не разсудивъ, что въ утробѣ земли всѣ равны себѣ будутъ, не помнетъ, что онъ человѣчества врагъ, онъ готовый друга изъ всей селеной изгнати, онъ невиннаго человѣка гонитель, его немилосердно убивъ, онъ якъ мѣхиръ празною парою надутый, по маломъ времени, а можно еще и днесь земной утробѣ предастся, и съ врагомъ своимъ ляжетъ, и тогда между ними

миръ, и они покойно спотся, и будутъ друзя. —

Такъ я глубоко внуренъ въ мысляхъ отрупѣлъ, и мысль остановилася! невольный вздохъ пресѣкъ мой гласъ, и вся грудь отъ горести тужила, все округъ мене молчало, только вѣтрикъ потрясалъ зелеными листочками по насажденыхъ стромахъ; и сей часъ наремно звучалъ тонкогласный звонъ, вечернюю заповѣдающь молитву; я всторгомъ очутился отъ сонной мысли, нѣсколько слезъ пустивъ, благословивъ темную могилу съ выраженіемъ сердечнымъ, блаженный вамъ покой, отдалился отъ ужасныхъ мѣстъ; въ отходѣ стрѣтилъ убогаго селянина съ косою на рамени, вопросилъ его о дневномъ дѣлѣ; онъ сказалъ, что косилъ траву зеленую для быдлъ своихъ, — и тогда еще болше распалилася моя грудь, и закричалъ: О колько невинныхъ весело цвѣтущихъ травъ, колько развиватися начинающихъ цвѣтковъ изсѣкла немилостива твоя коса, только молодыхъ тѣлесныхъ цвѣточковъ падаетъ подъ неумолимыя Смерти жестокою косою! — Такъ

пришолъ въ хижинку мою, и цѣлую нощь въ ужасномъ проводилъ снѣ. Видѣлъ якъ иногда Пророкъ кости безъ славы, и потрясся душею, и воскликнулъ: О Господи! по толикихъ работахъ, тяжкихъ язвахъ, по толикихъ мозолахъ, бѣдный Русинъ такъ безславно гніетъ, одиною увеселяся надеждою всеобщаго **Воскресенія!**

А. Д.

МИЛЕНЪ И ЛЮБИЦА

идильская повѣсть, отъ древнихъ Русиновъ временъ.

Еще подъ высокимъ Карпатомъ, подъ цвѣтами гобзящимъ Бескидомъ широко пространный Русскій Народъ не былъ иноплеменикамъ подверженъ, и еще власными управлялся чиновниками, такъ званными Крайниками, по быстротекущаго Лаборця, Уга, Латюрки, и славныя Тисы берегахъ, храбріи Русины, властительствомъ своимъ доволныи, весело утѣшалися, въ чистой совѣсти послуживше Господу, въ свято простой природѣ якъ свободныи птички играюще, въ заимной любвѣ якъ родныи братя жили. Обиталища ихъ отъ снѣжнаго Карпата по саміи жерела славнои Тисы, а съ южной стороны тихотекущимъ великолѣпнымъ Дунаемъ граничилися. Тогда отъ воинственныхъ Вож-

домъ Стиликономъ еще 520го года въ Италію для взыску Славы отшедшихъ, но горе, мѣсто жданнои славы темный гробъ обрѣтшихъ сродниковъ своихъ оставшіи Русины, уже свѣтлостію божественнаго Евангелія просвѣщенныи, презрѣвше нѣжныхъ художествъ, земледѣланіемъ занималися, доволніи худаго кровавымъ потомъ набывшимъ кускомъ хлѣба, и сытнымъ стада молокомъ, доволніи домашнимъ простонароднымъ, отъ мягкой волны истканнымъ уборомъ, по широкопространныхъ зеленыхъ нивахъ, по тѣнныхъ, самому міру современнихъ лѣсахъ, невинно стадо пасуще, и невинными народными играми веселящеся, часто же о отшедшихъ сродникахъ своихъ ужасно разговорящe. —

Но оставимъ древно-народныя славы Исторію; преднятая повѣсть снуется по берегахъ славной рѣки Лаборца; — бо помянути потребно, что рѣка Лаборецъ, въ коей, по свидѣтельству Безименнаго Нотарія, Владыка Славянъ утонулъ, въ древное время, отъ подземныхъ теперь уже скрытыхъ источниковъ, такъ глубока

была, что и въ сухихъ погодахъ только лодками и плытями чрезъ ню плавати, перебродити але никогда было возможно. По обой сторонѣ таже Лаборця жили невинныи Русины старательно землю дѣлающіи, и великое стадо найпачеже овецъ и козъ по масныхъ, и гобзивыхъ полянахъ пасущіи; жили въ заимной любвѣ и побратимствѣ, своихъ водителей Крайниковъ честующе, и имъ повинующеся. — На сѣверо-восточной сторонѣ рѣки занимала ихъ высокая гора, тогда названна Синайскою горою, которая теперь Выгорля или Дѣлъ познавается, съ ужасною на вершинѣ скалою, называемою Синайскій, или отъ тѣхъ, которіи теперь древность Русиновъ помрачити хотятъ, Снинскій Камень реченою. — На болшомъ горбику оныя горы стоялъ тогда маленькій, и хотяй не знаменитымъ художества украшеніемъ, однакожъ красками внутренняго благоговѣнія убранный Монастирь, святѣй Екатеринѣ посвященъ, съ маленькою деревяною церковцею, набожными Чина С. Василія Великаго Законика-

ми обитаемый, котораго уже и самыхъ щебеней не знати.

Колькоразъ молода развивалася весна, собралося съ обоихъ сторонъ множество побожныхъ богомолцевъ, найпачеже молодыхъ пастуховъ съ веселыми пастушками; всѣ приходящіи по можности отъ своихъ плодовъ дары приносили въ Монастирь, моляще Вседержителя, чтобъ береги ихъ тучною пашею, нивы и сады богатымъ плодомъ благословилъ, и отвратилъ грозный поводъ отъ береговъ ихъ.

Еднымъ веселымъ весны днемъ, на день С. Великомученика Георгія собралося множество богомолчиковъ на Святую Гору, бо сего дня первый весенный отправлялся праздникъ. Съ десныя рѣки стороны собравшіися ожидали зарѣчныхъ друговъ, везущихся рѣкою плытями и лодочками. — Прекрасный видъ! множество шлюбкащихъ лодочокъ укрыло рѣку, на нихъ побожное пѣніе и веселость благочестивая, звукъ свистковъ, свѣрѣлъ, фуяръ и дудочокъ, набожныхъ гласовъ повторяющихъ въ радость похитили сердце,

паруски украшены вѣночками, разныя барвы цвѣтами, зеленымъ синьо цвѣтущимъ бервинкомъ, пантликами и тонкими ширинками, словомъ вкусно украшены корабчики показовали великаго праздника торжество. — Ледва приближилися къ берегамъ, и молоды дѣвушки якъ хитріи серны скакали уже по зеленой травѣ, лстиво обращающе взоры на слѣдующихъ молодыхъ пастуховъ; — повиталися любезно обоихъ сторонъ сродники, дѣвушки цѣловалися заимно, шептали собѣ тайны уже давно явныя, всегда тайкомъ поглянувше на стороны, еднакожь хотѣли, чтобъ тайныи взоры ихъ отъ молодцевъ видомы были. — Видати было тутъ, якъ една чорнобрыва, чорными кручеными волосами утѣшается, друга сивыми оченьками ажь серденько проникае, една отлучается бѣленькою шіею, тои бѣленькая гобзящая грудь якъ снѣгъ свѣтится, и не едного пастушка серденько ранитъ; а тутъ неискусна моloденька якъ ягодка, якъ розовый бростъ дѣвушка дивится, незная, чему грудь ей такъ непокойно двигается. — По парѣ

приближалися дѣвушки къ святой обители, ихъ послѣдовали народно убраны молодцы, по малы же за ними крачали честныи сродники, где сѣдою бородою почтенный Законникъ священою водою и святымъ крестомъ ихъ благословилъ, и о имени господнемъ набожно привиталъ. — Тутъ отдавали дѣвушки дары свои на престолъ: по единоцѣ ишли, выпорожнили свои кошики, положивше на святый престолъ бѣленькій якъ снѣгъ пшеничный хлѣбушокъ на жертву приготовленный, разный овощей плодъ, грудочку сыра, масла, и патокаго меда, а прекрасно съ розъ и незабудки увитый вѣнокъ повѣсивше на святый образъ Пресвятыя Богоматери, или Святыя Екатерины. —

Сей часъ принесла первую свою жертву за рѣкой живущая 16 лѣтня Любица; — радость и невинность плавали на ей румяныхъ, невинныхъ личкахъ, и проницающіи чорныи оченька на прекрасный праздничный образъ вперше, такій показала видъ, якъ сама любовь; она первый разъ показалася на народномъ празднику, и она

всѣхъ дружекъ своихъ красоту перевышила такъ, якъ царица цвѣтовъ роза перевышаетъ въ травѣ процвѣтающіи косички; еи чорненьки оченька, бѣло-румяное личко, узонькій красноватый якъ дозрѣла ягодка ротикъ, бѣленькая холмистая грудь, и снѣгу подобныи плечи, по которыхъ вороно-чорныхъ волосовъ звязочки разсыповалися, уязвили молодыхъ пастушковъ, всѣхъ взоры на едну Любицю вперты неотмѣнно стояли, очарованныи молодцы потряслися, думаючи что Ангелъ съ неба стоитъ предъ ними, еденъ другаго шептомъ о имени незнамыя дѣвушки вопросивше. Такъ стояла съ трепетомъ при образѣ праздничномъ душею тронена Любица; грудь ей тряслася чувствуючи и сама незная чего; и тѣмъ болше лучшая, что сама свою красоту еще не понимала.

Между прекрасными молодцями всѣхъ взоры заемшій Миленъ 20 лѣтній юноша, тихо стоялъ подъ широко-вѣтвенною липою, невнимательно разсмотрѣвъ по веселящихся прекрасныхъ дѣвушкахъ; — очи его якъ врановы съ множествомъ смѣ-

ющихся очей стрѣчали; съ внутреннимъ пораженіемъ посмотрила на него кажда дѣвушка, и напрасно обернувше взоръ сосѣдѣ своей даштo шепнула, съ нову тайно повергше взоръ на прекраснаго молодця, и нехотяще засмѣялася на него. Но Милена ни еденъ возбудилъ взоръ; увидѣвъ же невинно стоящую подъ молодою липкою Любицу, сей часъ съ груди его несносный выразился вздохъ, лице его отъ незвычайнаго нѣкоего стыда покраснѣло, а взоръ аки бы окованый осталъ на чорнобрывой дѣвушеньцѣ; — теперь Любица наремно вергла оченько на стенящагo Милена, и напрасно оченька ей занурилися, незная, что такое всторгнуло серденько ей, и потряслася въ всѣхъ удахъ; но и Миленъ потрясся, сердце било грудь, и не посмѣливался болше поглянути на чаровную дѣвушку, а еднакожь взоры его непрестанно на ней висѣли; — онъ весь троненъ и безчувствительный стоялъ, боязнь обяла его, чтобъ дивный дѣвушки образъ случайно не удалился ему; — и прекрасная дѣвушка не удалилася, остала на своемъ

мѣстѣ якъ закопаный столбъ, якъ бы заворожена, не внимая на разговоры дружечки своей, только тайная якаясь сила взоры ей на незнамаго младенца тягала, и коли съ его смутными очами стрѣчалися, сей часъ якъ бы терномъ победена, возмущенны взоры къ маленькимъ ноженькамъ пустила. Даколи прекрасна Любица между дѣвушками наремно стратилася, тогда Миленъ въ великое упалъ непокойствіе, но съ нову увидѣвше Любицю доразъ увеселился, очи его искрили радостію, якъ между чорныхъ хмаръ на пространныи поля напрасно сходящій мѣсячокъ увеселяетъ жизнь рябыхъ косиць. —

Сконченной набожности, духовный законникъ благословивъ богобойныхъ посѣтителей, — повернулися съ благоуханіемъ и тихостію всѣ богомолцы; — уже отити принужденна и Любица, первый разъ никогда чувствимый чувствовала непокой, сердце ей тряслося, смутно поглянула на затрупившаго Милена, и тяжкій вздохъ вырвался съ ей бѣлыхъ персей, прискорбно ступала къ берегу, где лодочка уже напол-

нена ю ожидала; еще разъ обернулася, глянула на едномъ мѣстѣ подъ липою стоящаго Милена, и съ нову печальный вздохъ поднялъ стиснутую ей грудь; нѣмо ступила въ лодочку, и она сей часъ поплыла по чистой водичцѣ. — Миленъ ужасный взоръ еще разъ вергъ на отходящую лодочку, и только не замлѣлъ, что она спасеніе его отвезла. — Нещастный Миленъ! якъ бы громовымъ ударомъ троненъ, осталъ подъ липою, слезы съ его очей текущіи сросили зеленую траву, бездушно вперъ очи на быстротекущую, и серебряными валами играющую рѣку, проклиналъ ю, что она отдаляетъ его отъ любезнаго Ангела; но уже не видѣлъ свирѣпую лодочку, она счезла по валахъ, якъ легко парящая птиченька по воздусѣ. Въ семъ состояніи тогда только пробудился отъ тяжкаго сна, коль его товариши покликали. — Что тобѣ? говорили соболѣзнующіи младенцы, — ты боленъ? голова болитъ тя брате? и сожалѣли всѣ, бо его любили сердечно, онъ врага не малъ; онъ больнымъ себе сказалъ, бо истинно боль его

великій и тяжкій былъ; — ишолъ съ товарищами по бережку, всегда на рѣку и на тамтую сторону позирающе, не внималъ на звукъ пѣнія и игры друговъ; поблагодаривъ ихъ, войшолъ въ хижчину отца своего Богдана, поцѣловалъ любезнаго старика, и разговорился съ нимъ о бывшемъ празднику. — Старикъ благочестивый пріемъ въ обятія сына своего, сказовалъ ему о древнихъ временехъ, о случившихся поводѣхъ и ущербѣхъ, и о чудесномъ защищеніи Пр. Богоматери; такъ утружденъ сну предался мягкому. — Миленъ оставивъ стараго родителя въ сладкомъ снѣ, вышолъ въ садъ, и печално вперъ очи на тамтую сторону рѣки; — не увеселилъ его уже лѣпо за горы выходящій мѣсячокъ, не радовали взоръ его трепетающіи звѣздочки, онъ безчувственъ стоялъ якъ закопаный столбъ, на конецъ скричалъ: что мнѣ случилося? что я чувствую? отъ куду сіе трясеніе персъ, чому непрестанныи вздохи? — О чому не зналъ я взоръ мой отъ ней отвратити? чому я пропалъ на отходѣ ей? и чемъ есть сія печаль доселѣ? — Ахъ,

ахъ, я нещастный! ю едну вижу я, вижу тя о прекрасная дѣвушко подъ липою, вижу тя стрѣляющую оченьками на мене, вижу тя печальную, вижу чорніи оченька, воронисты волосы по бѣленькихъ плечахъ плавающіи! — О прекрасная дѣвушко, ты мене очарила, ты сердце мое плѣнила, я уже болше не живу! — о естлибъ и ты мене любила! — Но где ты? о далеко! Богъ вѣдаетъ, где ты почиваешь? и можно въ обятіяхъ другаго? незная, что я тужу за тобой! — Но драгая, твой прекрасный образъ всегда предо мною есть, съ мною онъ будетъ день и нощь, съ мною выйдетъ на зеленую пашу, со мною къ поточку черчущому, онъ мнѣ сопутствовати будетъ по унылыхъ лугахъ, и можно безъ надежды, чтобъ его даколи увидѣти!

Жалостно сказалъ сіи слова, оперся на сухій пень, воздвигъ очи на свѣтлый мѣсячокъ, и печальный вздохъ выразился съ грудей. Такъ прекрасна она, говорилъ, якъ ты нощная небесъ Царице, такъ красива она въ числѣ дѣвушокъ, якъ ты между свѣтлыми звѣздами около тебе бле-

стящими; — съ нову замолчалъ, забылся, и съ нову тяжкій вздохъ разсыпался по воздусѣ; такъ еще долго опертый стоялъ при безчувственной колодѣ, якъ она и самъ безчувственъ; — пустился на зеленый холмикъ, и тяжкій сонъ заперъ слезящіи оченька. —

Миленъ твердо уснувъ, въ снѣ предъ нимъ стояла любезна дѣвушка въ подобномъ Ангела виду, онъ осмѣленъ извѣстивъ ей горящую любовь, молилъ ю о заимной любвѣ, стиснувъ бѣлу рученьку, простеръ обѣ руки на обятіе, и се — — о страхъ — онъ воздухъ обнималъ! пробудился, обнимати готовіи руки умлѣли, и новый жалостный вздохъ разсыпался съ грудей его по широкомъ воздусѣ.

Иными часами свѣтлая зоренька, и весело щебетающихъ птицъ утреняя пѣснь Милена на радостны пѣсни возбудила, онъ доселѣ по набожной утренной молитвѣ радостно дулъ въ гласную фуяру, и воздухъ отбивалъ по скалахъ его гласъ; но теперь первый разъ смутно, и журливо привиталъ въ златой одеждѣ за горы ве-

лелѣпно исходящее солнце, выпустивъ съ кошары невинное стадо, дивящееся на печальнаго вожда, вышелъ на поле, где его пастухи прiятно прiймали. Тутъ точился любезный разговоръ о вчерайшемъ празднику; еденъ показовалъ жолто-синю пантличку, которую ему любезна дѣвушка вчера подарила; другiй показалъ косичку, которую ему мила дѣвушка запяла за широкiй шепачокъ; третiй спѣвалъ новую пѣснь, котору отъ миленькой вчера научился; единъ лишь Миленъ задуманый стоялъ опертый на палицю, ни слова рекше, — тяжкими вздохами занятый. — Пастухи примѣчающе незвычайну его скорбь, посмѣялися, и онъ уже утаити не могъ, что сердце его любовь опечалила.

Любовь Милена день днемъ росла, онъ отдалился отъ пастуховъ, потупивъ игры и веселости; — не увеселили его зеленыя весны радости, и всякое товариство 'му тяжкое было; самотностiю занятый стадо свое загналъ въ дебрѣ, по хащѣ блудилъ отчаянно не кинувше болше фуяру, замолчалъ якъ косъ во время жатвы,

непрестанно прекрасныя дѣвушки образомъ упражненъ. Часто садился на скалу ужасну, вперъ очи на тамтую рѣки сторону и сердился, что пришедшу вечеру отдалитися долженъ былъ отъ вида южныхъ береговъ, — и тогда на способъ стенящей горлицы тужилъ, гласно говоряще: О щастливое дерево, котораго тѣнь пріймаетъ тебе прекрасна голубочко! — О якій вѣтрикъ холодитъ румяное личко твое? где ты? ты сердца моего драгоцѣнный бѣсерю! ачей никогда уже не найду тя? — и хотяй непремѣнно ты въ моихъ очахъ, еднакожъ ты мною невидима! — О естли бы ты чувствовала мою тужбу, естлибъ ты знала коль я плѣненъ тобой, на истѣ помиловала бы ты бѣднаго любовника, нещастнаго плѣнника!

Въ такой тяжкой тосцѣ горящіи ему покотилися слезы, еденъ глубокій вздохъ другаго достигалъ, и въ томъ жалѣ посмотрилъ на покойно лежащую свою фуяру, наремно поднялъ ю, и напрасно отъ тяжести сердца громко загралъ слѣдующую

Пѣснь:

Прелестныя горы,
Быстры поточки,
Зелены долины,
Рябы цвѣточки,
О уже вы мене
Не веселите,
И страстную печаль
Не утолите.

Бо мое серденько,
И самъ не знаю,
Чомъ плаче горенько?
Не понимаю,
Все горитъ якъ пожаръ,
Палитъ якъ пламѣнь,
О несносный тяжаръ,
Якъ млинный камѣнь!

Были то годины,
Но ужь минули,
Коли ми калины
Мило цвѣнули;

Коли ми соловѣй
Весело свисталъ,
Коли ми бѣлый день
Ясненько блисталъ.

Но щастіе мое
Где ся подѣло?
Чомъ мое серденько
Такъ занѣмѣло?
Пропала ми доля,
Доля молода
Убѣгла такъ скоро,
Якъ быстра вода!

Еще далѣй хотѣлъ пѣти жалостну пѣснь, но грудь не дозволила, свернувся на зелену траву, и полумертвый горенько стукалъ, якъ другочки лишеный голубокъ.

Въ такой тосцѣ провожалъ Миленъ всю весело играющую, но для себе мертвую весну, такъ стенялъ цѣлое лѣто даже до плододарящія осени; — онъ не былъ болше на праздникахъ народныхъ, презрѣвъ игры и веселости друговъ своихъ, самъ скитался якъ самотный воробецъ

по скалахъ, презирая веселости юношества и звуки молодости. — Товариши, а найболше дѣвушки болѣзновали отсутствіе его, бо онъ передъ тимъ началникомъ былъ веселыхъ сходовъ, а пѣсни его перевышали и самаго соловѣя любезныи триллы.

Уже утолился жаръ солнца, уже замолчалъ высоколѣтающій жаворонокъ, уже холодна осѣнь земледѣлця достойнымъ благодарила плодомъ, уже все поле жолтая была стерень, коль печальный Миленъ къ берегу Лаборця вывелъ маленькое стадо свое, внимательно разсмотрялъ на другостороннiи береги: и сей часъ увидѣвъ привязаную къ молодой вербѣ лодочку, напрасно всторгненъ духомъ скричалъ: пойду, пойду на другу сторону; можно снайду ю; — альбо снайду ю, альбо тамъ отдамъ жизни моей цвѣтъ, где она живетъ, на тѣхъ берегахъ, где она ходитъ, где ей ноженьки згинаютъ пахнячу траву; — я пойду — една мысль, — а Миленъ уже якъ стрѣла въ лодочцѣ; и самъ не внималъ, коли на другой сторонѣ на бережку стоялъ.

Потрясся весь, сердце било въ грудь, и чувства умлѣли, якъ бы нѣкоею силою рушенъ, пустился въ вербовый лѣсокъ, въ густую и изрядно чистую рощицю; видѣлъ тамъ и удивился, прекрасны поляночки, кипровыми деревцами обсажденныи, прекрасныи цвѣточки, около поточка маленькаго въ двохъ рядахъ художно сажену незабудочку, фіялку, на маломъ же горбику гевъ тамъ рожевыи корчи, а между ними раскряченную бѣлу лелію; словомъ кажда трава порядно огражденна увеселила его, якъ прекрасный рай сладости. Съ трясущимъ сердцемъ вшедъ во гущаву, и се зеленый виноградный сплетокъ съ богатымъ плодомъ восторгнулъ духъ его, и вздохнувъ: О Господи! естлибъ она тутъ была, о кедь бы я ю тутъ найшолъ, ябъ уже щастія моего вершину досягнулъ. — Но что то есть? не сей ли сплетокъ, не сіе ли мѣсто видѣлъ я въ снѣ? не такъ ли показалася она мнѣ недалеко отъ шумящаго поточка? на истѣ, я сіе мѣсто видѣлъ въ снѣ; я видѣлъ той холмикъ, видѣлъ розовый корчь, видѣлъ бѣлую лелію, не-

винную якъ она, бѣленькую якъ еи шія; — но ото лишь сонъ былъ, онъ изчезъ, и мое щастіе съ нимъ, съ нимъ пропала и моя доля! Въ той мысли пустился на зеленый цвѣтущій горбикъ, точилъ тоскныя слезы, и сей часъ съ синьои модрячки, жолто сивои незабудки, жолтаго лотача, и зеленаго бервинка удобно сплетеный вѣночокъ палъ на главу его; онъ возбужденъ отъ сего сна, отворивъ очи, што то есть? и се, о — о — о радость! — прекрасная дѣвушка, якъ небесный Ангелъ стояла предъ нимъ, въ самой невинности, якъ самая вочеловѣчившаяся Любовь. —

Миленъ троненъ, подобно сребряныя тополѣ листочку тряссся, напрасно скочивъ, и замороченною душею стоялъ передъ веселою Любицею, нѣмый якъ камѣнь, глухій, и разслабленному подобный; тысящь любезныхъ словъ наразъ хотяй выречи, силился дойти къ Ангелу своему, но языкъ и уды не служили 'му; якъ болванъ, якъ трупъ стоялъ, молчалъ, и стенялъ, — страсть чувствуя такую, якую никогда передъ тѣмъ; только очи рѣки слезъ точащіи

говорили любовь, — его радость ужасная была ему. — Въ томъ самомъ состояніи находилася и тронена Любица, потряслася и она, замолчала, очи на землю внурила, якъ закопана ни сюда ни туда рушитися годна; по маломъ часѣ обернувшеся бѣжати хотѣла, но ледва три стопы — и уже стала, печальный взоръ вергше на ждаемаго молодця; — опять бѣжала, но Миленъ распаленъ чувствомъ еднымъ шагомъ достигъ ю, хвативъ за мягку рученьку, скричалъ: О ты истинно передо мною? Ты моя, — я снайшолъ тебе, ты мое блаженство! Такъ стояли непорочно, они любилися заимно незнавши любви, и сей часъ бросилися въ обятія другъ друга, подобно двомъ поточкамъ, кои быстрымъ стремленіемъ соединяются въ мѣстѣ; — тогда отворилися уста Милена, валится слово за словомъ, якъ отверзшуся источнику валитися звыкла вода, горнувшая съ собою, что ей на дорозѣ есть. Любезная Любице! дражайшая моя, ты мой Ангелъ, моя страсть и радость! Я люблю тебе, люблю болше якъ весь свѣтъ, болше якъ стадо и все имѣніе мое,

болше якъ самаго себе. — Тебе едну видѣлъ я въ жизни моей, тебе едну вижу на всякомъ мѣстѣ, съ мною ставаешь, съ мною лѣгаешь, ты моя душа, я безъ тебе мертвъ, унылый мнѣ безъ тебе свѣтъ; жаръ любве сушитъ сердце мое, якъ солнечный жаръ поля недоставшей росѣ; — ты роса сердца моего, я тобою живу, якъ зелена трава благою росою! Любица запалилася, якъ сходящей зори воздухъ искрили оченька ей, несмѣлыи вознестися, не рекла слова, только вздохнула, притулившеся въ обятія любезнаго Милена.

Такъ стояли невинно радующеся любезныи молодята, якъ звыкъ братъ съ сестричкою сходшіися по давномъ отсутствіи, и по малы успокоеннымъ чувствамъ, утихла и огненная страсть сердца ихъ, тогда обое посѣдали на горбочокъ, на которомъ не давно печальный Миленъ тужилъ; Миленъ раскасывалъ свою тоску отъ перваго праздничнаго времене; говорилъ, якъ онъ ю глядалъ, якъ домагивался за ней, и якъ унылое было ему все весное и лѣтное время; — Любица

же осмѣлившая такожде сказала ему свою страсть, придавше, что и она тужила якъ друга лишенная горличка, и что отъ тогожде праздничнаго времене взоры ей непрестанно на берегахъ Миленовыя стороны впертыи были, что отъ онаго времене всегда только по берегахъ дѣло свое вдячнѣйше дѣлающе, туда и малое стадо свое отлучившеся отъ дружокъ своихъ заганяла, и якъ старательно украшала сію рощицу, вздохами ю холодивше, а слезами оросивше.

Такъ ревно поминали судьбу свою невинныи любовники; уже блестящіи звѣзды плавали по рѣцѣ, уже мѣсячокъ давно показался надъ горою: они таже повставали обѣщающе, что каждый день, естли имъ робота допуститъ, изидутся; — съ болѣзнію разлучилися: иди съ Богомъ, говорила Любица, иди съ Богомъ драгоцѣнный бѣсерку; иди и ты о имени Господнемъ, рекъ Миленъ, любезная невинна горличко, иди и думай о мнѣ въ сладкомъ снѣ. — Ишли, — но обое оглянешеся, съ нову бѣжали въ обятія себѣ, — иди серденько, рекла Лю-

бица, и подала прощательну рученьку Милену, и не запомни утромъ, естли можно ти и отецъ твой соизволитъ, поглянути мою рощицю; Миленъ стиснувъ мягкую ручку, безмолвенъ прощался, любезный взоръ вергше на оставшую красоту, тогда разлучилися. Любица загнала стадо малое, Миленъ же бѣжалъ въ лодочку, переплывъ рѣку; — и тогда первый разъ весело задулъ фуяру, отъ весеннаго праздника занѣмѣвшую. Теперь Миленъ якъ бы новорожденъ съ нову веселую добылъ дяку, онъ спѣвалъ, свисталъ, игралъ, фуяра его никогда спочивала, онъ уже посѣтилъ забвенныхъ товаришей своихъ, и смѣло сказалъ, что онъ щастливъ, что невинна и прекрасна Любица для него родилася; но всегда, пришедшу вечеру, препоручивъ стадо свое другу своему, самъ скоро скоренько бѣжалъ на другую сторону, где его любезна дѣвушка съ новымъ вѣночкомъ, и полною горстію рябыхъ цвѣточковъ невинно привитала.

Что больше сходилися заимно, то доволнѣйшіи были сладкою жизнію; часто

сказалъ Миленъ якъ онъ влюбленъ, и что жизнь его безъ Любицы пустая была бы ему, якъ день безъ солнца, якъ нощь безъ мѣсячка; то само повторила и Любица, сказавше: что безъ Милена такъ жити не можно, якъ животному безъ воздуха, якъ рыбѣ безъ воды. Многоразъ пѣсни перенимали, коль Любица спѣвала, Миленъ на колѣна ей склонивъ голову, увеселялся, и видѣлося 'му, что и самъ соловѣй пріемнѣйше не можетъ щебетати; а коль Миленъ на фуярѣ игралъ, Любица внимателно сплетше вѣночокъ, на голову ему сложила, рекше, что и гласный косъ не перевышаетъ его милый голосокъ.

Единъ разъ посѣтивше Любицу Миленъ, ей на поли поиманную горличку принесъ въ подарокъ; Любица радостно пріяла дарокъ, поимавше любовну птичку за ноженьки видѣла, якъ непокойно трепочетъ крыльцями, щебочетъ, якъ бы дакого на помощь звала; — Любица съ жалостнымъ чувствомъ смотритъ непокойную плѣницю: — што ти миленька горличко? ты свободы желаешь? — кого зовешь? за кимъ

тужишь? о наистѣ ты за другочкомъ тоскуешь; о Миленъ! смотри, якъ она страстна! позволи, да пущу ю; тогда растворше перстики, и птичечка сей часъ щебетаючи отлетѣла на вѣтви, и далѣй искати содружочка своего. Любица на той видъ печальная стала, склонивше головку на Миленовы плеча, въ слезахъ рекла: О Миленъ! чтобы я чинила, естлибъ и я такъ тебе стратила? О Господи! я бы болше не жила, ябъ сей часъ лишилася жизни! — Миленъ! я безъ тебе жити не могу. То самое чувствовалъ и оскорбленный Миленъ, и притулился къ слезящей дѣвушкѣ. —

Минувшу въ такъ сладкомъ и благомъ согласіи должайшему времени, обое щастливіи были! Миленъ каждый день посѣщалъ Любицу, онаже всегда новымъ занимала его веселіемъ. Случилося еденъ кратъ, что Миленъ во обычный часъ пришедше, не найшолъ любезну дѣвушку въ рощицѣ; непокойно ждалъ ю, и она не приходитъ; вызираетъ, идетъ ей въ стрѣчу, и дѣвушки не есть, всходитъ на высокаго бука, — не видно дѣвушки. —

О Господи! что сталося? ачей она больна? ачей головка ю болитъ? или что сталося? О я иду, иду, посмотрю ю! и въ томъ стененіи вырѣзалъ на етомъ бучку имя любезной, вырѣзалъ и свое, и оба вѣночкомъ незабудковымъ окружилъ, и благословилъ ихъ рекше: расти, разширяйся бучку зеленый, расти чрезъ вѣки, и съ тобой да растутъ имена и чистая наша любовь! Посему зажуренъ вергся на горбикъ подъ розовый корчь, рученьками Любичима засаженый, и стенялъ; — и се предъ нимъ Любица побуренными и расплетеными волосами, выплакаными оченьками, безъ вѣночка на головѣ, безъ косицѣ на персехъ, сполошена якъ молода серна гонившу ю ловцю. — О небо! скочилъ троненый Миленъ, что тобѣ голубочко моя? кто тебе оскорбляетъ? скажи, иду и помщуся, сражуся и съ самимъ великаномъ; Любица отворила плачущій ротикъ, но слово умлѣло, не могла промовити, только слезы тучею ліялися изъ чорныхъ очей! Молю тя небомъ, скажи вину болѣзни любезна, скричалъ Миленъ, и отеръ ли-

цемъ своимъ драгоцѣнныи слезы падаючіи изъ очей Любицы. — О Миленъ, любезный пріятелю, солодкій друже! мене силятъ, — о Миленъ! мене нудитъ мамушка другаго любити; — мене мамушка уже обручила Лукану, богатому на сей сторонѣ ватагови; и замолчала, оченька предникомъ покрыла, горко тоскуя. Миленъ ужасно устрашился, емъ дѣвушку за руку; — такъ есть, продолжала Любица, Луканъ силный и богатый, стада его пространно пасутся по горахъ и долинахъ, онъ лукавый Луканъ прелестилъ мамушку мою, и обманулъ ю, а она желающая моего щастія мене обѣщала ему; сіе вырекше впала въ притулъ пораженнаго юношенька. — — Но нѣтъ! Миленъ, я на сіе не склонюся, паду къ ногамъ любезной матери, цѣловати буду колѣна ей, и умолю, умягчу душу ей, и она отстанетъ отъ сего намѣренія, она мудра, она благосклонна, она любезна мамушка.

О здѣлай тое любезна, говорилъ Миленъ, здѣлай, я чаю склоненія ей, она не будетъ противна нашему сочетанію. —

Я любезный друже все сдѣлаю, я готова и безъ согласія мамушки тебе слѣдовати, я Луканова не буду, хотяй бы онъ и царскимъ владѣлъ стадомъ; — я не послухаю мамушку, и не есть силы, чтобъ она мя отъ тебе оттягла, я съ тобой иду. — И что ты сказала? скоро перервалъ слово Миленъ, что ты сказала? ты не подумала, ты безъ разсужденія слѣпыми чувствами везешся. Нѣтъ любезная! сіе случитися не можетъ, ты повинна мамушку слухати, твоя повиность, стару мамушку подкрѣпляти, ей суду подвергшеся волю ей исполнити; любезна, мы хочемъ сочетатися въ бракъ, мы хочемъ въ заимной любвѣ новое составити общество, и желаемъ блаженства; но узнай, что благословеніе Господне споянется съ благословеніемъ родителей. — О любезна, не противися материному желанію, да не отиметъ отъ тебе благословеніе и не изречетъ, хотяй не нарокомъ клятву на тебе; бо тогда унылое будетъ наше сочетаніе, и наша жизнь будетъ блудъ, будетъ грѣхъ и мерзость. Но послухай, иди, моли мамушку, склони сердце

ей, и проси отъ ней благословенія. — О Миленъ! отвѣщала Любица, я повиновавшеся матери нещастна буду, а непослушна такожде нещастна; о Миленъ! я таже на всякій случай нещастна! Мамочку обмантилъ лукавый Луканъ, ю богатство прелестило: она думаетъ, что въ множествѣ стада и имѣній залежитъ щастіе, она блескомъ обманута, непремѣнно Лукана желаетъ зятя; Миленъ! я на всякій случай нещастна, — и тогда горко заплакала. — Не огорчай состояніе твое любезна напраснымъ судомъ, судьба наша у Господа· — Ты повинуйся волѣ матери твоей, бо Богъ непослушныя дѣти наказуетъ, чти матерь твою, буди послушна повелѣніямъ ей, Господь помилуетъ тя, и воздасть ти благодать за послушаніе, буди послушна якъ Ісаакъ отцу своему; и естли такая наша судьба, что мы соизволеніемъ матери твоей едно быти не можемъ, тогда прощай любезна, забудь мене, я отиду отъ туду въ далеки стороны, пойду на конецъ свѣта, пойду въ пустыню, скрыюся въ скалы, и якъ набожный пустынникъ буду

вздыхати къ Господу о щастливой твоей участи. — Але драгая, пойди къ матери, моли ю, и проси о благосклонности; — пойду и я, буду ю умоляти, просити, и чаю потѣху отъ ней; бо она твоя мамушка, она немилостива быти не можетъ. — О не сердися друже, сказала Любица; — я чувствомъ тронена изрекла пустое слово; я иду къ мамушкѣ, иду, она добра, она склонна будетъ на мое желаніе. Такъ тѣшилися заимною надеждою, и солнце склонилося; они разлучилися.

Миленъ ужасными мыслями отяженъ ступилъ въ обыстя отца своего Богдана, цѣлую нощь сражался съ тяжкими сонными видѣніями, непокойно ожидалъ утра, которое ему щастіе или вѣчную принесетъ пагубу. — Пришедшу утру, вывелъ стадо на береги рѣки, на зеленую стерню, вручивъ его другу своему Братолюбу, самъ съ ужаснымъ попеченіемъ переплылъ на другу сторону, где уже его веселымъ видомъ и смѣющимъ ротикомъ прекрасна ожидала Любица; наремно летѣла ему въ обятія, и сказала: Миленъ! мы щастливыи, мамушка

склонилася на мою тоску, она изволила, чтобъ я по моему сердцу супруга избрала, приложивше что тогда совершенну волю изявитъ, коль тебе сама увидитъ, и познаетъ лично; бо молода дѣвица, — говорила — любовію и внѣшнимъ тронена блескомъ часто обманутися можетъ; она не разсуждаетъ, слѣпою склонностію ведена бѣжитъ нещастна, якъ рыба на удицю, и на послѣдъ главатости своей жертва останетъ, цѣлую тоскуя жизнь, и проклиная первый персъ своихъ огень, которымъ вѣкъ свой спалила. Я сказала мамушкѣ, что ты благочестивъ и добродѣтельный, и что ей на истѣ до дяки впадешь; она засмѣялася и обѣщала свое благословеніе, естли тебе достойнымъ на сіе увидитъ. — Теперь Миленъ! приди со мною, и покажи нравы твои матери моей, дастъ Господь не по долгомъ времени и твоей. Та уже мамушка твоя знаетъ о нашей склонности? — но я еще отцу моему о тебѣ не сказалъ; — учини милость Любиценько, приди сей часъ къ старому отцу моему, чтобъ онъ видѣлъ щастіе мое, и бла-

гословилъ насъ; онъ благосклоненъ будетъ, ты ему полюбишся; приди любезна, не далеко тамъ подъ горою хижица наша. Любица склонилася на жадость юноши, — бо что не соизволитъ любовію плѣнена дѣвушка? — И поспѣшно нарвала цвѣточки, сплела нову парту, умыла чистою поточка водою прекрасное личенько, и сей часъ готово убрана якъ Ангеликъ стояла передъ любезнымъ, готова на вся желанія его. Хитро таже позбералися; руки подавше собѣ летѣли якъ мысль къ берегу, разомъ скочили въ лодочку, и ледва сколько минутъ, они уже на маленькомъ дворику. — Останъ, пождай немножко любезна, я самъ войду къ отцу, и приготовлю его на твой пріемъ; Любица остала подъ зеленою плодомъ важною грушкою. Миленъ тихо войшолъ въ колибу, ставъ предъ сѣдымъ родителемъ, порумянѣвъ, спустилъ очи на землю. — Что такое сыне, что ти дѣтино? якого нещастія вѣститель приходишь ты? говори смѣло сыне. — Миленъ приближился, поялъ за руку стараго, и поцѣлававъ ю отворилъ ротъ, но слово на языку спер-

лося — онъ замолкъ. — Что ти дѣтино? вопроси старикъ, и Миленъ сражающеся чувствами началъ: Няню солодкій, я люблю едну дѣвушку, и сей часъ съ нову занѣмѣлъ; — прошу о соизволеніи, — позволи лучшую, достойнѣйшую и нравнѣйшую свѣта сего дѣвицю пріяти за невѣсту! — Посмотривъ острожно старый Богданъ единаго сына своего, и съ достояніемъ рекъ: Естьли ты красотою и блескомъ внѣшнимъ не обманутый сыне мой, естьли избранна тобой дѣвушка богобойна и побожна есть, тогда щастливый будешь, бо Господь благословеніе токмо любяцимъ его и добронравнымъ даваетъ. — Няню любезный, отвѣщалъ радостно Миленъ; я не обманутый красотою ни пустымъ блескомъ; дѣвушка моя, хотяй и весь женскій полъ перевышаетъ красотами и нѣжностію, но при томъ богобойнѣйша, честнѣйша, благонравнѣйша есть всѣхъ дружекъ своихъ, она достойнѣйша твоею быти невѣстою; — сія рекъ вышолъ зъ хижчины, и подъ минутою Любица стояла передъ старикомъ, Миленомъ введена.

Любица старому дивною показалася, и естьлибъ ей крыла не отсутствовали, думати повиненъ былъ бы, что Ангелъ съ неба присутствуетъ ему; она тронена спустила оченька, личка ей спламенѣли, головка въ землю внуренна, не смѣла и взоръ единъ вперти на старого, и уже стыдилася сама себе. Миленъ то на отца смотрѣлъ и радовался, что онъ внимательно витаетъ свою дѣвушку, то весело на дѣвушку глянувше, распалялся сердцемъ; на послѣдъ взялъ ю за рученьку: прійди любезна дѣвице, поцѣлуй руку лучшаго на свѣтѣ отца; Любица нѣмо поцѣловала старикову руку.

Старый Богданъ якъ очаренный не могъ очи отклонити отъ прекрасныя дѣвущки, и самъ незная, чому якуюсь велику склонность чувствуетъ къ прелюбезной дѣтинѣ; и наремно скричалъ: О Господи! въ образѣ, въ сѣхъ очахъ, въ семъ честномъ челѣ я познаваю, я ображаю любезнаго моего друга. — Дѣвице скажи, ты Драгомірова дщерь? — бо образъ сей есть его любезный образъ, въ молодости

моего драгоцѣннаго друга! скажи любезна, кто есть отецъ твой? Мой отецъ сказала жалостно Любица, былъ Драгомiръ, но я его не зпознала, мене мамка еще подъ серденькомъ носила, коли онъ преставился. Мати моя каждый день на гробѣ его плакала, и тамъ мене въ болести сердца породила.

Тогда потрясся тѣломъ и душею старый Богданъ, заключилъ въ обятiя дражайшаго друга своего дѣвушку, и горенько заплакалъ: дѣтино! ты Драгомiрова дщерь, ты честнѣйшаго, блаженѣйшаго, и набожнѣйшаго человѣка, дражайшаго товариша моего дѣтина; онъ уже съ Богомъ почиваетъ, а я тужу за нимъ; онъ не былъ богатый, но порядный человѣкъ, и прото его Господь всегда благословилъ, не малъ онъ врага, не завидѣлъ ему никто, бо онъ никогда не отпустилъ убогаго безъ помощи, безъ потѣхи. — Дѣвушко, а ты теперь изволила моею быти невѣстою? я обновляюся въ твоемъ согласiи, тебе люблю болше якъ всѣ дѣвушки, бо знаю, что ты образъ отца твоего носяще изобилно и

нравовъ его наслѣдница еси. Господь да благословитъ тя, да благословитъ васъ въ купѣ, и подасть вамъ долгоденствіе.

Миленъ горѣвъ отъ радости, выбѣгъ приготовити дражайшей своей ужину; наполнилъ кошички яблоками, грушками, сливами, боросквами, и виноградами, положилъ на столъ молодаго масла, сыра, меду, и бѣлый якъ снѣгъ хлѣбъ; — такъ гостилъ миленьку, и естлибъ могъ былъ, и сердце свое положилъ бы ей на гостину; поялъ румяное яблочко, давалъ миленькой съ словами: то такъ румяное якъ твое личко было, коли я тебе первый разъ увидѣлъ. — Весело угощалися любовники, и уже соненько послѣдними сіяло за горы лучами; Любица извѣстила, что ей нужно отити; отбралася, прощалася съ старикомъ, и отишла на обятіяхъ Милена, который ю весело ажь къ хижицѣ ей отпровадилъ; — обѣщая, что утромъ посѣтитъ ю, и любезну мамушку ей благочестивую, и отъ всѣхъ почтенную Власту, и ей свою склонность изявитъ постоянно.

Прощався съ Любицею Миленъ, съ веселымъ намѣреніемъ утраго посѣщенія, въ сладкой радости повернулъ, вшедъ въ лодочку, взявъ весло, и невнимавше на прибытіе воды, въ чувственномъ забытіи плавалъ на свою сторону; напрасно же обачивъ, что лодочка его мечется по валахъ, и въ самой серединѣ рѣки къ едной скалѣ такъ трѣснула, же и весло маленькое переломилося; тогда ухватили валы лодочку, и несли ю въ долину якъ вѣторъ; устрашился Миленъ, ратовати хотѣлъ, но уже не было можно; во отчаяніи несенъ волнами кричалъ, просилъ помощи, но бывшей нощи никто не слышалъ вопль его; онъ таже знаменаяся святымъ крестомъ, поручилъ Вседержителю судьбу свою; между страхомъ и надеждою летѣлъ по серединѣ валовъ! откуда прибыла вода незная, не видѣлъ, что чрезъ время прогулки его на Бескидѣ ужасный дождь ліялся; — видѣлъ гевъ тамъ блистящіися по берегамъ огники, кричалъ, но рыкъ воды не допустилъ голосъ къ огневи; напослѣдъ увидѣвъ яснѣйшій блескъ, лодочка его

просто къ нему смагалася; и сей часъ приближилися помощницы, кваками желѣзными лодочку его привлекше, взяли его на свой корабчокъ, и вывели на сухій берегъ, просили до хижицѣ, на которой стѣнахъ мрежи сушилися; онъ вшедъ, благодаривъ имъ, помолился Господу о спасеніи своемъ. Рыбари, — сіи бо были въ корабщику — благодарили также Господу, давшему имъ милость сей день двѣ особы спасти. Единъ рыбарь сей часъ послужилъ своимъ гостямъ глѣбомъ и овощами, другійже доселѣ приготовилъ рыбу, на угощеніе приходниковъ своихъ. Бо знати нужно, что рыбари, кромѣ Милена, той вечеръ честнаго едного старика выслободили отъ утопленія, и той былъ помянутый другій гость.

Рыбарь оставшій забавлялъ гостей своихъ, и не забавкомъ другій приготовленную принесъ рыбу, и всѣ весело вечеряли; — домашніи спросили гостей о ихъ участи, и первый Миленъ сказалъ ужасный свой случай; посемуже вопрошенъ старикъ, вздохнувъ отеръ слезы, такъ началъ

говорити: — Я братя любезный житель, и гражданинъ великаго города К . . . . именемъ Раданъ, былъ Сенаторомъ, болше разъ и началникомъ гражданскимъ, но о жалю, началники града того потупивше заповѣдь Божую, нечестивымъ путемъ пустилися, примѣромъ лукавымъ бывше, нравы сограждан своихъ погубили, они про малый и худый добытокъ, про дары, мамону, и про дочасное имѣніе, мѣсто правосудія неправду, окламство возвысили, — тамъ про свойственную ползу грѣхъ похвалою, безчесть честію, злодѣйство добродѣтелію сталося, благочестивіи гоненіями пренаслѣдовалися, а нечестивіи лестники, ласкателіе, найпачеже сродники нечестивыхъ началниковъ, воры и злодѣи въ степени превозношалися, народъ заслѣпленный тѣми прелщенъ не видѣлъ свою пагубу! Я видѣвъ неправедность противорекъ, неправедному суду противился, я законъ защищалъ, и они мене прото ненавидѣли, наустили противо мене народъ, мою невинность потоптавше, на конецъ изгнали во заточеніе. О Господи

ты праведенъ еси, не помни беззаконіе ихъ, и натхни ихъ духомъ святымъ, чтобъ имѣющіи очи видѣли, и лишилися беззаконія.

Сія сказавъ старецъ, густый вздохъ высыпался изъ его грудей. Дивительно слышали его невинныи рыбари, чудящеся, что могутъ быти люде невинности гонителіе, и неправды защитителіе. — Такъ между пріязнымъ разговоромъ отдалися на покой, и твердо заснули.

Миленъ не зажмурилъ ока; онъ печальный изображалъ тужбу отца своего, и еще болше тоску Любицы, коль пришедшу утру не посѣтитъ, и съ тѣмъ въ смятеніе и безпорядокъ приведетъ ю.

Лишь что денничка золотыи разляла лучи, уже поставали всѣ. Старый взялъ свою палицу, вѣрную въ путешествіи супругу, объемъ обоихъ рыбарей: Богъ Господь и защититель добра отплатитъ вамъ добродѣтель; прощался съ ними, прощался и Миленъ, и пустился въ товариствѣ старика на путь; тихимъ шагомъ ишли, и коль старикъ утрудился, посѣдали оба спочивати;

— пришедшу жару полудневному, Миленъ завелъ старушка въ зеленую тѣнь, ишолъ для него овощей зберати; и снову провождали путешествіе; и коль уже соненько заходило, радостно показовалъ старушкови Миленъ любезнаго отца своего домичокъ, котораго коминъ уже съ далеки показовался. —

Тамъ въ смятеніи журился теперь старый Богданъ, тоскуя горенько о сынѣ, трясся, что сынови его нещастіе случилося; но услышавъ звукъ развеселился, и се Миленъ уже въ обятіяхъ его; — сказалъ ему сынъ нещастный случай, и сопутешественника своего участь, поцѣловалъ любезнаго отца. — Богданъ слышавъ стараго судьбу, любезно привиталъ его, и рекъ: честный чужестранецъ! съ радостію подѣлю съ тобою, что мнѣ Господь далъ, мое обыстя да будетъ и твоимъ обыстіемъ; съ тѣмъ посадилъ стараго на мягкій столецъ, отложивъ его палицу и просилъ, чтобъ спочивалъ съ миромъ.

Удивившеся старый Раданъ, въ изобиліи сердца воскликнулъ: о Господи! ко-

лико человѣколюбія нахожу я тутъ, истина, праведность и благочестіе тутъ пребываетъ, тутъ нахожу я простую въ природѣ невинность, тутъ не токмо слышу, но и вижу гласъ божественнаго Евангелія, что въ пышныхъ градахъ не найти; — братя! я троненъ вашею невинностію, я вамъ служити буду, я отъ васъ не удалюся. — Упокойся любезный друже, отвѣщалъ Богданъ, у насъ все общее есть, ты сострадательность надъ нещастнымъ великою называешь благодатію; у насъ то повинностію называется, и свирѣпій звѣрь, кто не помилуетъ нещастнаго; бо прошто даетъ Господь землѣ моей плодъ? прошто защищаетъ Вседержитель худобу мою? ачей прото, чтобъ самъ уживалъ божое благословеніе? нѣтъ брате, мы всѣ едного отца дѣти, мы братя, мы повинни ратоватися заимно! Между тѣмъ Миленъ уготовивъ брашно, и худою ужиною покрѣпилися, и прiялъ ихъ сладкій сонъ въ обятія. — Миленъ въ снѣ видѣлъ Любицу ужасно плачущую, и о нещастіи нарѣкающую, и такъ разжалился, что потъ обліялъ все тѣло его.

Зѣло рано гласили уже трубы, фуяры и свѣрѣли пастуховъ по лазурномъ воздусѣ; Миленъ взявъ свою гласную фуяру, и выпустивъ стадо, бѣжалъ къ берегу вручити его Братолюбу; спѣшно переплывъ, сталъ въ любезной рощицѣ, глядаючи любезную, кричалъ, кликалъ, и не обозывается; где ты любезна? долго задержуешь заимну радость нашу, и непокойно лѣгъ къ студнику, где многоразъ въ обятіяхъ любезной спочивалъ, ждалъ уныло, и еще такъ долгое время не было ему.

Раданъ въ обятіяхъ Богдана вышолъ привитати святую природу, и возбужденъ чувствами веселился первымъ лучамъ денницы, которыи онъ въ градѣ не видѣлъ передъ тѣмъ. О прекрасна природа восклuкнулъ, якъ ты прекрасна въ твоей невинной святыни, поздравляю васъ зеленыи холмы и долины, васъ шумящіи поточки, и васъ невинно щебетающіи птичатка, вашое пѣніе перевышаетъ звуки всякаго музикалнаго рода; — о я чувствую тайное вліяніе природы, она разпростираетъ окресть мене воздухъ невинности, и рос-

кошнаго пріятства, безвѣстный огень возгарается въ сердцѣ моемъ, онъ разпространяется по всему моему составу. Сладостное состояніе! все мене плѣняетъ, все мнѣ приноситъ удоволствіе, все приводитъ въ удивленіе, все представляетъ мыслямъ моимъ свободу, и блаженство; оковы обременявшіи мене исчезли, сердце упоенно сладостію; изъ очей ліются чувствителныи слезы радости! — Всѣ существа наслаждаются здѣсь спокойствіемъ, и щастіемъ! невинныи селяне! вы вкушаете спокойно пріятности свободы, нощь приосѣняетъ васъ благотворными тѣнями своими для сохраненія отъ человѣческой жестокости; а въ градахъ? — о скоро увидитъ человѣкъ день, и въ мѣстѣ съ онимъ узритъ мучителя своего; — о тутъ люде живутъ, а въ градѣхъ безчувствителніи звѣріе! благотворный сонъ царствуетъ въ хижинѣ токмо земледѣльця и пастуха, ни пронзителный гласъ злодѣйства, ни ужасныя чудовища ненависти, вѣроломства, или мщенія, ни суетныи происки жадности, и самолюбія, окламства и скупости никогда

тутъ не прерываютъ онаго, съ нимъ неотмѣнно обитаютъ невинность, и спокойствіе. Когда тутъ сладкая тишина покоится, тогда въ пышныхъ градахъ злодѣйство владычествующее изощряетъ стрѣлы свои, приготовляетъ пагубный ядъ, и назначаетъ себѣ жертвы, словомъ въ градахъ тѣсный есть человѣку свѣтъ; человѣкъ человѣку змій, врагъ и волкъ; а тутъ распростертая каждому земля, тутъ друзя, тутъ братія; — о я презираю васъ пустыи грады, я тутъ успокоюся; брате, я съ тобой жити и умерати желаю, бо душа твоя пріемлетъ чувствованія смѣшанныя безъ живости, и безъ нѣжности! — Такъ говорилъ Раданъ, радость и веселіе обяснили честныи его взоры, обнялъ благочестиваго Богдана, и малымъ шагомъ ишли оба въ общій уже домичокъ. —

Но что чинитъ бѣдный Миленъ? — Онъ вшелъ во рощицу, Любицу не нашолъ тамъ; разсмотрѣвъ, и о страхъ, имена ихъ стерты изъ кожи бука, где ихъ Миленъ врѣзалъ; о Господи! скричалъ, не да якое ли нещастіе случилося тутъ? о лишь

бы Любнцѣ не сталося даштo! но чому ей нѣтъ здѣ? Миленъ разсуждалъ, не могъ похопити ужасный случай; между тѣмъ слышалъ шумъ въ корчѣ, радостно скочивъ, о тутъ есть она; — но мѣсто любезной предсталъ ему смѣющійся Луканъ, вопрошалъ его: что ты искаешь тутъ Миленъ? Любицу ждаешь? О брате! я сожалѣю ти, всуе ждаешь ю, — она уже не твоя, она тебе болше не любитъ, сама склонилася мнѣ, сама подала мнѣ ручку, понравило ей ся мое стадо, она богата желаетъ быти; она вчера тутъ была, власною рукою стерла изъ бука имена, отреклася тебе говоря: такъ да исчезнетъ первый мой неразсудный огень, такъ да сотрется наша дурная любовь, якъ стерается кожа сія изъ очареннаго бучка; ненавижу мой первый составъ, теперь стераю его память изъ моего сердца; — тогда впала въ мои обятія, рекла: я твоя съ тѣломъ и душею, не желаю болше видѣти иностраннаго Милена; я сожалѣю ти брате, но что дѣлати? она свободна собою, она уже моя. —

Миленъ якъ громомъ пораженый впалъ на землю, умлѣвалъ, безчувственъ сражалъся собою, и умерающему подобный воздвигъ очи: О ты вѣроломнице! где твои сладкіи слова, где обѣщанія, где присяга? — Я божуся небомъ, я тебе люблю хотяй и невѣрну, божуся, клянуся небомъ и землею, что никогда болше не посмотрю ни на едну дѣвицу, лишь тебе тоскуя, тебе любити буду, хоть взоръ твой болше не узрю. Сія не говоривъ но плакавъ, вергся на землю, и тяжкій вздохъ выразивъ, безмолвенъ смотрилъ на такъ прелестное мѣсто.

Луканъ свидѣтель былъ его тяжести, поднялъ его съ словами: брате, сожалѣю ти искренно, — но прошу не уболшай твой жаль сѣми мѣстами, иди съ миромъ, я тя перевезу на другую сторону, — тамъ найдешь щастіе твое, тамъ найдешь вѣрнѣйшую дѣвицу; забудь, прокляни мѣсто сіе, и никогда не вернися на вѣроломства мѣсто, где токмо печалишь сердце твое. — Такъ поялъ его за руку, посадилъ въ лодочку, и перевезъ на дру-

гую сторону рѣки, и посмѣялся, оставивъ его безчувственна. —

Миленъ замороченъ, якъ изъ тяжкаго сна пробудившійся, не понялъ, что ему случилося; — сердце 'му било страшно, и вздохи силою двигалися съ трясущихся грудей; но по маломъ времени престали слезы, упокоилися перси, простерся на земли; ахъ невѣрна! сказалъ, сломила вѣру, о якъ краткое было мое щастіе! якъ печальна была недавно еще, коль мати ю Лукану обѣщала. — О волѣлъ я умерти прежде, нежели ю первый разъ видѣлъ подъ широкою липою, коли первый разъ упала она въ мои обятія; о нещастный день, коль я ю видѣлъ, и еще нещастлившій, который мене до ей рощицѣ привелъ; о невѣрна! ты вѣрнѣйшее сердце съ стадомъ перемѣнити годна; — но упокоюся, — что даремно плакати буду невѣрную; я потуплю тя, я презрю твое имѣніе, презрю тебе, и лукаваго твоего Лукана; — буди, о буди щастлива, забуди мене, естли можешь; моя радость будетъ, естли твой грѣхъ непремѣнно въ слѣдахъ твоихъ бу-

детъ. — Такъ полный жалостію приблудился, и болше слова о невѣрной не выразилъ. —

Не увеселило болше печальнаго Милена веселое друговъ пѣніе, онъ съ нову по прежнихъ блудилъ унылыхъ берегахъ, самотный въ темномъ омраченіи скитался, и хотяй потупилъ недостойную любве окламницу, еднакоже невѣрной вѣроломницы прелестный образъ выразити не могъ изъ тяжкихъ мыслей своихъ; часто вышолъ на высокіи береги, и оттуду непрестанно смотрилъ на нещастную сторону, где его покой погребенный есть; но всегда еще болше опечаленъ, бо всегда лишь Луканово стадо видѣлъ по зеленыхъ широкихъ лугахъ; ахъ нещастное стадо! говорилъ, ты отъяло, ты ухитило мою жизнь, ты вина моей несносной печали! Такъ скитался три дни, не вкусилъ хлѣба, ни воды пилъ, и уже отчаянному подобный самъ не видѣлъ, что дѣлаетъ. — Четвертаго дня ранењко напрасно вырвался. — Пойду скричалъ, пойду въ зеленую ей рощицу, отдамъ долгъ природѣ, и на томъ

мѣстѣ отдамъ духъ, где первую жизнь чувствовалъ, где во обятіяхъ еи жизнь мнѣ солодка была; тамъ умру, тамъ отдамъ любовь въ жертву невѣрности.

Ишолъ, и уже при студничку стоялъ, подъ букомъ тѣнистымъ, где первую завязалъ любовь. — Тутъ, о тутъ выплачу мою душу, — тутъ можно погребетъ тѣло мое нѣкто, тутъ буде ся блукати постоянный мой духъ. — О любезна фуяро послѣдній разъ оголосися, где весело играющу слышала она тебе, тутъ послѣдній задуй жаль; — пріемъ фуяру, и запѣлъ жалостнымъ голосомъ:

Тяжкій жаль на сердцѣ моемъ
Творитъ мнѣ отходъ твой;
Вѣроломна! непокоемъ
Пражу духъ, и взоръ мой;

Стону, сохну, засѣдаю,
И уже не обрѣтаю
Твой взоръ гладкій,
Твой видъ сладкій,
И образъ прекрасный.

* *
*

Оставилась мя жаждуща
Любве твоей! — о жаль!
Потупилась рыдающа;
О несносна печаль!

О невѣрна! — сердце мое
Болесное, и страстное
Повражила,
Низчезила,
Ты на вѣкъ поранила.

* *
*

О помни еще на мене,
Любезная моя,
Повернися, глянь на мене,
Еще я люблю тя;

Возврати ми хоть сонъ краткій,
Возврати мнѣ покой сладкій,
Ты Ангелъ мой,
Хранитель мой,
Помни мой непокой!

* *
*

Тебе Луканъ, — о лукавый
Богатствомъ обманилъ,
Тебе блескъ суетъ безславный
Напрасно очарилъ:

И ты клятву преступила,
Вѣрно сердце потупила,
Вѣроломна,
О безбожна,
Мою грудь погубила.

* *
*

Не кляну тя, — будь щастлива
Въ обятіяхъ Лукана,
Только молю — памятлива
Буди и на Милена;

Я покойно на мѣстѣ томъ,
Где ты присягала небомъ,
Отдамъ мой духъ,
И онъ округъ
Твоей долѣ избудетъ! —

* *
*

Миленъ такъ жалостно спѣвалъ, повторялъ гласомъ фуяры своея каждый стихъ; и се растворился розовый корчь; онъ подвигъ оченька, и се, о небо! Любица предъ нимъ, съ блядымъ образомъ, печальнымъ видомъ, и слезными оченьками! — Что ты тутъ дѣлаешь жестокій звѣрю? рекла ему, естьлибъ была я знала твое присутствіе, не безпокоила бы твою прогулку; — обернувшеся отити хотѣла. — И ты тяготишь жестокая, что еще разъ подолжаешь видѣти нещастнаго, отвѣщалъ Миленъ, и хватилъ ю за руку; Любица отвратила лице, чтобъ слезы утаила; рука же ей горѣла, и трясласся якъ осика. Что? ты плачешь? ты невѣрна! Любица омочена слезами, трясущими глазами посмотривше, видитъ, что и онъ плаче: ахъ невѣрный и ты плачешь? рекла; о плачи, плачи вѣроломный, зри фалшивый обманщику тое сердце пораненое, которое про тебе нещастливое будетъ во вѣки; да будетъ слава твоя, что ты невинну и легковѣрующую дѣвицу прелестити, и обманити могъ; — о ты мене на вѣки оскорбилъ, я тобою

на вѣки нещастна; тогда ручками покрыла отъ слезныхъ токовъ мокрое личко, и въ великости скорби впала во обятія дивящагося Милена. Онъ трепетомъ притулилъ ю къ собѣ: о любезна вѣроломничко, ты уже плачешь! о ачей слезы жалости, ачей скорбишь о грѣсѣ невѣрности; пожалуй любезна, навернися къ моему страстному сердцу, помилуй тебѣ всегда вѣрнѣйшаго, для тебе самои живущаго смертнаго. — Любица вперше очи на держащаго ю Милена: что? ты обвиняешь мене вѣроломствомъ? а ты самъ невѣрный! Кто? я невѣрный? обозвалъ Миленъ, я невѣрный? о скари мене Боже, естьли я перемѣнилъ хоть крошеньку огня любве; дѣвушко, я терплю муку неисповѣдиму, я лишуся жизни, я разсыплюся отъ печали, естьли ты не отстанешь отъ твоего намѣренія; — дѣвушко! я малое стадо маю, но великое сердце, моя любовь перевышаетъ сторазъ Луканово стадо; — дѣвушко! ты съ Лукаяомъ не будешь, о не будешь щастлива! — навернися вспятъ, бо ты для мене, а я для тебе рожденъ;

остави лукаваго Лукана, съ мною щастливѣйша будешь! Чудесный человѣче, что говоришь? я Луканова? нѣтъ, нѣтъ, богме нѣтъ; я Лукана не терплю, я постарѣю сѣдою партою, я умру, а я Луканова не буду; онъ злочестивый; онъ мене обманивалъ, онъ сказалъ, что ты мнѣ невѣрный, что тебѣ другой стороны дѣвушка понравилася, что ты стеръ имя мое, и проклялъ его, что ты мене презираешь, и будешь во вѣки презирати. Тобѣ Луканъ то сказалъ? напалъ Миленъ, о лукавый врагъ, о змій прародителей обманившій; онъ мнѣ побожился, что ты мене презираешь, что ты склонилася великому его стаду, имя мое стерла и проклинала; — Любице, любезна Любице! мы обманутіи, Любице прощай, я погрѣшилъ легкомысленно увѣривъ фалшивому Лукану; — тогда впавъ въ объятія любезной, держалъ ю съ трепетомъ въ притулѣ, бояся, чтобъ она съ нову не уйшла волшебною силою; такожде и Любица восхищенна радостію перепрошевала любезнаго, стыдящеся, что о постояніи его сомнѣватися смѣла.

Теперь просилася Любица, для якія вины Миленъ обѣщаннымъ утромъ не пришолъ? — Миленъ расповѣлъ ей ужасный случай, приключившійся ему при возвращеніи; Любица слышавше сіе лишь что не замлѣла, мягкое серденько ей трепетало, и вылудило изъ очей тучу слезъ; посемъ впала на колѣна, вперше на небо очи, благодарила Господу, что Милена ей въ нуждѣ содержалъ, щиро моляся о другολюбныхъ рыбарехъ, спасшихъ дражайшаго своего Миленя. Посемъ извѣстила Любица, яко она увѣдомила мамушку свою о посѣщеніи стараго отца его Богдана, сказала далѣй: о любезный другъ! горкорадостны слезы ліяла мамушка моя познавшая, что ты Богдановъ сынъ еси; о любезный Богданъ, онъ отца твоего пріятнѣйшій другъ, онъ благочестивый человѣкъ, чаю что и сынъ его наслѣдникомъ будетъ нравовъ его; — о дѣвушко, его мати моя любезна товаришка и ровесница была, но жаль! уже давно гніетъ въ чорной землѣ, але память ей благая отъ рода въ родъ! дѣвушко! ты щастлива, и я щаст-

лива въ благонравномъ зятѣ: — приведи его спѣшно ко мнѣ, да возрадуется душа моя, и да благословлю васъ благословеніемъ горящимъ. О Любице! я благополучный въ числѣ смертныхъ, я недостойный толико блаженства, и радостно стиснулъ въ притулъ любезную дѣвушку. Но Миленъ! возвала просителнымъ голоскомъ Любица, пожалуй, приди сей часъ къ моей любезной мамушкѣ, приди, да увидитъ тя, и ты услышишь благословящую насъ заимну Мамочку. — Иду, иду миленька, и сердечною скрухою поцѣлую лучшей мамушкѣ руку; и съ тѣмъ подвигшеся ишли весело къ обыстю благонравныя Власты, где ю въ сѣняхъ голубочки кормившую найшли. Мамушко дорогая, вопѣла Любица, мамушко, адде мой любезный Миленъ, достогодный сынъ Богдана, любезнаго друга и побратима отца моего! — Власта честнымъ движеніемъ, и любезнымъ гласомъ витала прекраснаго юношу, и запросила до малой, но такъ порядной хижицы, что въ ней сама Крайничка жити могла бы, показующе ему мягкій столецъ, просила

его сѣсти; молодець же поцѣловавъ руку мамушкину, и поздоровлялъ ю о имени отца своего Богдана; на тое отповѣла добронравная Власта: здравствуй лучшаго друга сыне, здравствуй въ низкой хижицѣ моей; о якъ я радуюся, что ты найшолъ единую мою дѣвушку, васъ Господь въ другъ опредѣлилъ, и онъ васъ благословитъ благодарнымъ согласіемъ; они тогда разговорялися, Любица же выбѣгла, и скоро скоренько принесла овощи дозрѣлы, сыръ, масло и медъ положивше на перетканымъ красками обрусомъ закрытый столъ; она трепетала отъ радости, и играючи кормила миленькаго, якъ кормитъ невинная горличка молодаго птенца своего; — смѣючися радостно смотрила сваволю дочери своей Власта, и обѣщала имъ, что на третій день свѣнчаетъ ихъ въ монастирѣ, где ихъ Господь сочеталъ заимно; — тогда еще болша радость была, скочили обое, обяли старую мамушку, цѣловали руки ей, и просили благодаряще ей благословеніе. Власта поднявша на небо очи рекла: Дѣточки мои, вы радость и подпора старости моей,

о якъ весело будетъ мнѣ, чрезъ нѣсколько дней или и годовъ, которыи Господь опредѣлилъ животу моему, видѣти вашое щастіе; бо прекрасно то видѣти, коль добродѣтельныи споятся; они день днемъ достойнѣйшіи суть себѣ, и любовь ихъ согласная никогда не погаснетъ. — Я памятаю на благополучіе оно, и память его горкіи слезы вылудитъ изъ моихъ очей; о въ обятіяхъ люблящихся и щастливыхъ супруговъ, и самая печаль, самая горесть солодка бываетъ. Такъ есть дѣточки, васъ небо споило, вы въ благой гединѣ познанися; о Господи, и я щастлива была, но щастіе мое не было долговременное; а прото и теперь благодарю Господа, бо память любезнаго супруга всегда мнѣ чести достойна есть. — Слыши сыне мой, естьли ти твой отецъ не сказалъ, слыши случай отца твоего и моего супруга, нераздѣлныхъ побратимовъ честогодный случай: — Отецъ твой добронравный Богданъ, съ моимъ супругомъ Драгоміромъ искореняли ниву, пасѣку приготовляюще; и случилося имъ выкопати знатное сокровище; — о радость

велика, котелъ грошей сребряныхъ и золотыхъ, еще отъ временъ гоненія хрістіанства; мы теперь щастливіи, сказалъ Драгомірь, мы много богатства набыли, слава Господу. — Я не восхищаюся тѣмъ любезный брате, отвѣщалъ Богданъ; я презираю сокровища не трудомъ набытыя; я не доткнуся имъ, и естлибъ я самъ ихъ набылъ бы, истину скажу, еще глубочайше закопалъ бы ихъ; мнѣ пріятное убогство мое, бо мене не обременитъ жаръ солнца, и кудрява зима не заморозитъ твердыи члены, мое сокровище суть руки мои; бо что бы я дѣлалъ при толикомъ сокровищу? лѣниво лежалъ бы, презрѣвъ роботы, когда бѣдный мой сусѣда мозолилъ бы ся тяжко землю дѣлаючи, и кускомъ чорного хлѣба доволенъ; нѣтъ брате, я не желаю его, бо имѣніе помягчаетъ тѣло, и честныя нравы бѣдствіемъ обременитъ. Мудро говоришь побратиме, отвѣщалъ мой Драгомірь; и я не жаденъ сокровища; но да не лежитъ всуе, его Господь далъ, отдадимъ божое Богу; — тогда порадилися, и они основали сей Монастирь, въ которомъ васъ Господь сочеталъ.

Миленъ доволно возрадовался о добродѣтели отца своего, прощался съ обѣщаніемъ, что на третій день совершенно вся приготовитъ на бракъ; отишолъ, Любица выпровадила его къ берегамъ, и молила чтобъ опасно управлялъ весломъ, чтобъ ему не случилося нещастіе; уже на другой сторонѣ сущему рученькою кивала, и гнусными стопами разлучилися, ждающіи зореньку третяго дне.

Уже Миленъ далеко отишолъ отъ береговъ, обозрѣвъ вспятъ уже не видѣлъ любезную, и близь дому своего увидѣлъ бѣднаго чужаго человѣка, сусѣдови свою печаль жалующцаго. О брате, говорилъ убогій, не былъ бы я теперь скорбящій, естлибъ нещастный случай мене не избавилъ имѣнія моего; — о мое поле и домъ мой тамъ на бережку стоялъ, стромы мои ломалися подъ тяжестію овощей, но грозная туча и изъ ней набывшій поводъ утопилъ мою хижину, поле и садъ мой измывъ, и где гобзящая была доселѣ нива, тамъ теперь уже намулъ, камѣньча, скалы и колоды; еденъ грозный валъ хижину увалилъ, дру-

гій стадо утопилъ, я самъ на высокомъ буку спасся съ дѣтиною, котора еще не понимаетъ нещастное свое сиротство, и не была бы такъ тяжкая моя скорбь, кедь бы сіе отроча со мною участное не было того нещастія, естлибъ оно не терпѣло убытка сего горкаго. — Миленъ густый вздохъ пустивъ, и оскорбился на сей случай, помнувъ что поводъ сей и его нещастнымъ учинити могъ, бо прибывшая рѣка сего повода дѣло было, где онъ сражался съ смертоносными волнами — благословенъ говорилъ помагаяй бѣдному, о Господи естлибъ я могъ помощи подати ему! Господь видитъ доброе дѣло, и вознаграждаетъ, о кедь бы я богатый былъ, якъ упрѣмно пожаловалъ бы его. . . .

Такъ тоскуя вошолъ въ домъ отца своего, и радостно сказалъ о посѣщеніи Власты, приложивше, что минувшимъ тремъ днемъ прекрасная Любица въ его обятіяхъ будетъ якъ молода невѣста, домикомъ управляти.

Минувшей нощи, еще предъ выходомъ солнца Раданъ по свѣжой росѣ перехожо-

вался, не за долго вышолъ и старый Богданъ съ Миленомъ, поздравляюще старика добрымъ утромъ. На жадость Радана подишли на маленькій холмикъ, откуду вся долина прекраснымъ видомъ показовалася; — тогда старый Раданъ обнявъ друга своего Богдана и сына его Милена, сказалъ: Побратимы, сіе поле, сей садъ, и сіи будинки вашіи суть, я вчера купилъ сія отъ хозяина и властителя; — сія для васъ будутъ, а я съ вами пожити хощу малый и краткій мой вѣкъ, а егда умру, ты Миленъ погреби тѣло мое подъ сею липою, и положи мнѣ надъ головою простостройный крестъ; пріймите братя сіе отъ своего друга. — Богданъ удивился: о брате сказалъ что ты дѣлаешь? я троненъ пріятельствомъ твоимъ, я владѣю моимъ полемъ, оно довлѣетъ сыну моему, естли онъ благочестивый будетъ; а естли онъ развращатель будетъ, тогда и все царское имѣніе ему малое будетъ; брате, я не потребую сіе. Но Раданъ просити его не пересталъ, докъ онъ не склонилъ на прошеніе; тогда возопѣлъ старикъ: Сыне мой! коль и я умру,

погреби и мене подъ другою липою, и назви двѣ липы: Раданомъ и Богданомъ, чтобъ память двохъ друговъ вѣчная была.

Миленъ съ ужасомъ слышалъ сіи слова отца своего, и просилъ ихъ на холмичокъ, отъ туду показовалъ имъ рощицу Любицину, и домъ Власты тещи своея; — упорно высмотривалъ Любицу, но всуе: посему походили все новое поле, и о прекрасный видъ! всягды такъ обремененны стромы пломъ, что конары подпирати потребно было; прекрасный садъ поточокъ дѣлилъ, а подъ еднои скалы чурчала зимна вода якъ ледъ, чиста якъ кристалъ; — поле широкопространное обгороженное плотомъ новымъ. О воскликнулъ отъ радости троненый Миленъ, о якъ возрадуется моя Любичка, коль увидитъ свое прекрасное имѣніе! Между тѣмъ повернулися къ Богданову обыстю, которое въ долинѣ было, и при вратахъ увидѣли человѣка съ отрочаткомъ милостиню просящаго, котораго Миленъ вчера стрѣтилъ. — Богданъ услышавъ его нещастный случай: брате сказалъ ему ты нещастенъ, ты не самохотно, не про

лѣнивость, не про небреженіе, не про неправный животъ убогимъ стался; Господь посѣтилъ тебе, ачей прото бы я добродѣтель показалъ, Господь заповѣдаетъ чтобъ милостиню творити, се поле сіе, и хижица со всѣмъ твоя будетъ, я тебе нею подарю, жій, усилуйся съ нову, и дѣлай съ Богомъ новое твое поле, избери и плоды стромовыи, да тя милостивый Богъ благословитъ; я маю новое обыстя, тамъ перенесуся. — Иностранецъ остолпѣлъ на сіе, онъ не вѣровалъ, слышалъ ли сія слова, или снилося ему; на конецъ же впалъ на колѣна, и такъ благодарилъ неисповѣдимую благодать Богданову, Раданъ же и Миленъ возрадовалися о добродѣтели Богдана, и потвердили своимъ соизволеніемъ.

Возвратившимся имъ, Миленъ перебѣгъ къ своей Любицѣ, но ю въ рощѣ не снайшолъ; ждаючи ю, въ тѣни уже выше номянутаго бука свернулся, и твердо заснулъ; но напрасно жменя цвѣтовъ падшая на лице сбудила 'го, онъ увидѣвъ Любицу, сей часъ скочити хотѣлъ, но не могъ; а што сталося, ни руку ни ногу подвигнути

годенъ; Любица же на сіе солодко засмѣялася, бо она его спящаго ширинками и пантликами повязала такъ искусно, что двигнутися не могъ былъ; — но ждай Любице, наверну я ти жартъ, и такъ сцѣлую тя, ажь буде личко твое ружицѣ подобное; нѣтъ не развяжу тя, пока не обѣщаешь, что за единъ цѣлый часъ не поцѣлуешь мя; но не поцѣлую, отвѣщалъ плѣнникъ любезный, и разрѣшенъ былъ. — Миленъ обѣщаніе свое законно подержалъ, и хотяй якъ зарывала его свавольная дѣвушка, онъ ю не цѣловалъ, на конецъ же прорекла она: Миленъ, уже еденъ часъ минулъ. — О де бы? еще ни четверть часа, отвѣщалъ постояннымъ голосомъ онъ; разговорялъ ей о случившемся щастіи, что Раданъ ему пространое и богатое поле съ селомъ купилъ, что отецъ его бѣдному поводомъ нещастному все свое село даровалъ; о Любичко моя, якъ ты будешь ся радовати здатной и порядно устроенной хижицѣ, якъ ты будешь порядати въ оной; смотри тамъ, а тамъ на холмику стоитъ твой домъ, между липами, садъ изобилный

зеленѣется, а чрезъ него шумящій бѣжитъ поточокъ; — любезна се твое все! Любица возрадовалася не такъ новому прибытію, но великой будуцагo тестя своего добродѣтели и Радана пріязности; бо теперь вижу, говорила, что я щастлива, что Богъ буде мя благословити, бо благочестивыхъ Господь благословитъ.

Долго еще забавлялися любовники, бывшу же вечеру, рекъ Миленъ: любезна завтра уже не посѣщу тя, бо приготовлятися буду къ угощенію моихъ товаришей; о любезна, якъ я радуюся, всѣ моея стороны молодцы и дѣвушки обѣщалися на свадьбу мою; такъ же и мои, отвѣщала Любица; обое тѣшилися, что всѣ радуются щастію ихъ. —

Пришедшу непокойно жданому утру, зоренька трепетала свѣтлящими лучами, вся атмосфера обяснилася такъ, якъ никогда передъ тѣмъ, цвѣты благовонѣйшіи сѣяли пахъ, якъ даколи, трава зелена росою напоенна весело двигалася къ лучамъ, якъ бы все естество радовалося щастія Миленова торжеству; еще предъ деннич-

нымъ выходомъ собралися сей стороны молодцы съ прекрасно убратыми, партами и косицами украшенными дѣвушками, между веселымъ фуяръ и писчалокъ звукомъ, съ веселымъ пѣніемъ ожидали торжествующаго юношу. — Миленъ поблагодаривъ ихъ склонность, и рядомъ спѣшно бѣжали къ берегамъ, где ихъ косицами убранныхъ лодочокъ и плытей множество ожидало; — наремно переплывше рѣку, не задолго уже подъ стѣною Любицевыя хижицы стояли, где тамтои стороны молодцы съ дѣвушками любезно привитали ихъ; прекрасно и громко разліялся по долинѣ голосъ несчисленныхъ фуяръ, пѣніе небо пробивало, любезное дружество занимало всѣхъ; дѣвушки обоихъ сторонъ начали съ польныхъ цвѣтовъ и зеленого бервинку вѣночки плести, и обычайную пѣснь тоненькими заспѣвали голосочками; видѣлося, что множество соловѣевъ щебечетъ по зеленой дубравѣ. — Пѣснь вѣночкова была слѣдующая:

Горѣ соненько горѣ,
Війся вѣночку вскорѣ;

Вѣночку бервинковый
Буди скоро готовый,
На Любичу голову,
Другій на Миленову. —
Будь Миленьку веселый,
Якъ бервинокъ зеленый,
А Любичка буде ти
Якъ ружичка цвѣнути.

Уготовленнымъ же вѣночкамъ, возложили дружочки еденъ, съ жолто-синими пантликами переплетеный на головку Любицы, а другій на Миленову; потомуже всѣ дѣвушки косичками, и вѣнками чрезъ рамена крестообразными прицифровалися, и такъ зачали хлопцы съ дѣвчатками разомъ спѣвати:

Ужь соненько выходитъ,
Уже Миленъ приходитъ
По свою молодицу,
Чорнобрыву Любицу:
Будь мамочко здорова,
Ужь Любичка не твоя,
Ховалась ю, но кому?
Милену молодому.

И тогда взявше глопцы Милена, дѣвушки же Любицу межь себе, попровадили ихъ въ святый Монастирь, где честный сивобородатый законникъ ихъ законно сочеталъ и благословилъ, присутствующимъ горливо молящимся, и просившимъ благодать отъ Господа на любезныхъ молодыхъ. —

Великое то было торжество, бо благочестивый Раданъ на праздникъ той купилъ 10 овечокъ, и двѣ бочки солодкои медовки, и такъ свадьба за три дни держала, где сродники и братія увеселялися, хлопцы же всѣ съ Миленомъ, а дѣвушки съ Любицею побратимство сильно потвердили.

МИЛОГО ЖДАЮЩАЯ ДѢВУШКА.

Въ загородцѣ при поточцѣ
Русочка сидѣла,
Смутна сердцемъ, бо милого
Сей день не видѣла:
Ахъ я нещастна дѣвчина!
Ачей заняла го ина? —

Але нѣтъ, нѣтъ; болше маетъ
Гордый Русинъ чести,
Якъ бы его годенъ нѣкто
На баламутъ свести;
Онъ мене все щиро любилъ;
А чему бы теперь блудилъ?

Я его тутъ буду ждати
  Хотяй до полночи,
Приде онъ поутирати
  Мои слезны очи;
Подасть ми бѣлу рученьку,
И поцѣлуе миленьку.

Ужь мѣсяцъ высоко вышолъ,
  Милый не приходитъ,
Въ сердцѣ милой что разъ болшій
  Непокой ся родитъ.
Ахъ скричала! подь скоренько,
Потѣши мое серденько.

Уже мѣсяцъ за горами
  Зашолъ, милого нѣтъ;
Уже полночи минуло,
  Погасалъ ясный свѣтъ.
Отчаянна скричала: охъ!
Пустя зъ грудей печальный вздохъ.

Здравствуй мѣсячку темненькій,
  Я не могу ждати,
Бо мнѣ въ часъ рано потребно
  До роботы стати;
Скажи тому невѣрному,
Чтомь пойшла смутна до дому!

Алекс. Павловичь.

ТОСКА ЗАРУЧЕННОИ.

Прошу̃ красно преславную столицу,
Най выслухатъ едну бѣдну горлицу:
Бѣднамь стала, скажу правду плачучи,
Не е нянька, не е мамки помочи.

Еденъ хлопецъ былъ ми милый, всячина,
Вѣрный ко мнѣ якъ братъ сестра, родина;
Но сесь хлопецъ утягъ коцку чорную,
Воякъ зосталъ, лишилъ мене бѣдную.

Славны паны, пустѣтъ ми го прошу васъ!
Послухайте разъ дѣвчины смутный гласъ;
Такъ благого якъ мой милый не найти,
Битку?! войну?! не дай боже й видѣти.

Мой миленькій есть слабый за вояка,
Онъ молодый не подержитъ коника;
А туй дома мировиме солодко,
Онъ мя возме, прожіеме двоичко. —

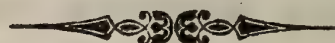
Охъ! взяли го, прибрали за гусаря,
Такъ былъ красный, ялый бы за капларя;
Что за хосенъ изъ красного платѣчка,
Кедь зостаетъ сама его миленька.

Не плачь мила, свѣтъ не гине, прійде часъ,
Гдесь загрѣе разъ солнѣчко и на насъ:
За Вѣру, Царя я Русинъ кровь душу
Радъ даю, но й тебе имѣти мушу. *)

Николай Нодь.

---

*) Сія пѣсня прекраснымъ г. сочинителя голосомъ воспѣта при случаю радостнаго торжества дня $^{8}/_{20}$ октоврія 1850 въ память наданнаго краеваго устава Галиціи, удостоилася полнаго довольствія и громкаго рукоплесканія Вѣденскихъ Русиновъ. Она поется по голосу народной жалостной думки.

Содержаніе.

Стор.

